

Литературные известия

№ 7 (217)

Июль 2023

Газета Союза писателей XXI века, Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» и литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»

Выходит с 2008 года 1 раз в месяц

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СОБЫТИЯ

Сегодня в
номере:

Новости

*

Литературные события

*

Литературоведение

*

Поэзия

*

Очерк

*

Рецензии

*

Литературный кроссворд

РЕКЛАМА

**ХОЛДИНГОВАЯ
КОМПАНИЯ**

«ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

**РАБОТАЕТ
НА РОССИЙСКОМ
РЫНКЕ 20 ЛЕТ**

**МЫ БУДЕМ РАДЫ
ИЗДАТЬ И СДЕЛАТЬ
ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ
КНИГУ!**

www.west-consulting.com.ru

Поэтом рождается человек или становится в процессе жизни? Этот вопрос мы часто задаем, когда соприкасаемся с хорошими стихами. Наверное, и то, и другое – способности и таланты даны нам небом, но в процессе жизненного становления и различных обстоятельств они проявляются. Это в полной мере относится к поэтическому творчеству **Екатерины Вавиловой-Комаровой**.

Екатерина родилась в Москве. Как и многие из нас, с поэзией познакомилась в детские годы – ее мама читала ей стихи и сказки А.С. Пушкина. В подростковом возрасте Екатерина открыла для себя творчество Э. Асадова, К. Симонова, С. Есенина, М. Цветаевой, А. Ахматовой и других известных поэтов, и начала сама писать стихи о любви.

НОВЫЙ ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ ИМЕНИ ЛЕОНАРДО — ПОЭТ ЕКАТЕРИНА ВАВИЛОВА-КОМАРОВА

Потом был большой перерыв, и снова она вернулась к любовной лирике во взрослом возрасте, когда уже состоялась в бизнесе. У Екатерины Вавиловой-Комаровой несколько высших образований – инженер-физик и экономист... Сфера ее деятельности далека от литературы, но, тем не менее, большую часть своей жизни она идет с ней рука об руку – пишет стихи. Темы ее творчества многообразны – это и любовная лирика, и пейзажная, и философская. Екатерина выпустила два поэтических сборника: «Две дороги» (2019) и «Под знаком Стрельца» (2022). Имеет многочисленные публикации в коллективных сборниках проекта «Библиотека Современной Поэзии», а также в газетах: «Литературная газета», «Поэтоград», «Литературные известия», в журнале «Москвa литературная» № 1, 2023, в литературном журнале «Персона PLUS» № 1, 2023. Включена в энциклопедию «21 Писатель XXI-го века» (авт.-сост. В.В. Павлов, 2023). Произведения размещает на портале «Стихи.ру».

Екатерина Вавилова-Комарова является членом Союза писателей России, а также членом Союза писателей XXI века. На ее стихи написаны песни Сергеем Светловым, Виктором Олденем и многими другими композиторами и исполнителями. Произведения Екатерины зрелые, мудрые, выстраданные, не оставляю-

щие равнодушным читателя, не случайно ее творчество отмечено рядом медалей Московской городской организации Союза писателей России: им.С. Есенина, А. Блока, М. Цветаевой. В мае 2023 года Екатерина стала лауреатом международной премии имени Леонардо Союза писателей XXI века.

Завершу статью о творчестве Екатерины Вавиловой-Комаровой ее строками из стихотворения «Муза»:

Прорезалась светом вечерняя мгла,
Быть может, мне все это снится?
Неслышимой поступью Муза вошла,
Творцов и искусства царица.

И вот уже рифмы плетут кружева,
В безмолвии время застыло,
И в строфы легко превращает слова
Какая-то тайная сила.

Пусть Муза не покидает автора ни при каких обстоятельствах, пусть плетется кружево ее стихов, а мы в свою очередь с удовольствием будем читать новые стихи поэта.

Лариса КУЗЬМИНСКАЯ

поэт, член Союза писателей России

«ПОД НЕБОМ РЯЗАНСКИМ»

В 2005 году на Рязанской земле прошел I-й литературный фестиваль-конкурс «Под небом рязанским», целью которого, как и всех последующих, являлась популяризация литературно-музыкального творчества, привлечение к нему внимания молодежи и коммерческих структур, открытие новых имен, укрепление культурных связей между разными городами и странами и духовное возрождение России. А бессменными организаторами фестиваля в течение 17-ти лет были поэты и публицисты, члены Союза писателей России **Алексей Бандорин**, он же основатель и председатель правления Рязанского Союза Литераторов, а ныне почетный член, и **Людмила Салтыкова** (светлая ей память). И вот недавно в стенах областной научной библиотеки им. Горького прошел 18-й фестиваль «Под небом рязанским». Обратились там со своими приветствиями ко всем собравшимся зам. директора библиотеки **Ксения Чулкова**, консультант отдела координации деятельности учреждений культуры и искусства Министерства культуры Рязанской области **Ольга Уласевич** председатель Союза общественных объединений «Российский Союз профессиональных литераторов», академик Интернациональной академии современной культуры **Ирина Манина** и организатор фестиваля, новый председатель Рязанского отделения РСПЛ, член СП XXI века, региональный редактор журнала «ЛИФТ» Рязанской области **Лидия Терехина**, которая рассказала о большой работе по подготовке

фестиваля и поздравила всех с его торжественным открытием. Зазвучал гимн фестиваля.

Выступили один за другим со своими русскими песнями и приплясываниями рязанские народные хоровые коллективы: «**Никулинка**» МБУК «Центрального парка культуры и отдыха» (художественный руководитель – композитор **Юрий Ананьев**), «**Отрада**» Кирицкого сельского дома культуры (руководитель – **Надежда Михалина**), ансамбль «**Здравница**» Дома культуры села Баграмово Рыбновского района (руководитель **Екатерина Останина**). Выступила с сольным концертом артистка из города Самары, писательница, литературный переводчик с 8-ми европейских языков и председатель жюри конкурса **Ольга Борисова**, а за ней и певица, композитор, лауреат Международных и Всероссийских конкурсов **Наталья Гражданкина**.

На следующий день программа фестиваля была еще более насыщенной. Гостья из Москвы и член жюри фестиваля поэтесса **Нина Краснова**, рязанская москвичка, московская рязанка, передала всем привет от СП Москвы и СП XXI века и от СП Северной Америки и выступила со своей композицией, посвященной участнику прежних фестивалей «Под небом рязанским», солисту Утёсовского оркестра певцу и композитору **Анатолию Шамардину**, прочитала свои стихи в память о нем «**Анатолий Шамардин – это просто шарм один**», «**Он о любви романсы мне поет**» и показала на большом экране несколько роликов с песнями в его

исполнении на греческом и итальянском языках и с песнями Анатолия «Вечер в клубе» и «Сон под пятницу» на ее стихи и с фоторядом Сергея Тарасова, сделанными и на рязанском фотоматериале. Тезка русско-греческого соловья поэт Анатолий Тимонин прочитал свои стихи в честь фестиваля и в честь Анатолия: «**Эх, была бы божья воля, / Чтобы спел еще нам Толя**», «**Не в этой жизни, а в другой / Мы снова встретимся. Я знаю**».

Состоялось долгожданное подведение итогов конкурса в разных номинациях. В номинации «Поэзия» первые места достались **Надежде Михалиной** из с. Кирицы Спасского района Рязанской обл. и **Ольге Мухиной** из с. Пощупово; в номинации «Малая проза» (рассказ, свободная тематика) – **Владимиру Шалимову** из Волгодонска Ростовской обл. и **Андрею Лисьеву** из Москвы, а Гран-при

Окончание на стр. 4

ПОЭЗИЯ

АЛЕКСАНДРА КРЮЧКОВА
В ЦЕНТР СЕРДЦА

Александра Крючкова — поэт и писатель-мистик, лауреат международных премий в области литературы, государственный стипендиат в категории «выдающиеся деятели культуры и искусства РФ». Член Союза писателей России (с 2009), Союза литераторов России (2010–2013), Российского авторского общества, Союза писателей XXI века (с 2011), Международной гильдии писателей (Германия, 2011–2015), Международной Ассоциации Граждан Искусства «М. А. Г. И.» (Испания, с 2009), регионального общественного Фонда содействия развитию современной поэзии «Светоч» (с 2007), Открытого Литературного Клуба «ОтКЛик» (с 2008) и др. Автор многочисленных книг. Живет в Москве.

ДЕЖАВИЮ

я снова заснула,
когда он проснулся
в моем дежавю
и ядом обиды
растекся по яви,
гоняясь за снами, —
ревнуя Венеру,
в эфире у духов
он брал интервью,
но Марсом в изгнание
не слушал историй,
свершенных не нами, —

возможно, он чуял,
что Небом я выше —
на вырост? — слегка! —
но жала, где сердце —
никчемно-дурацким
Вселенским прощеньем,
как только пыталась,
скитаясь по книгам,
листая века,
вернуться обратно,
вливаясь в пространство
предсмертным Крещеньем,

кошача кругами —
в комично-циничный
сто первый Пролог! —
свободна! смелее! —
богемно и просто
мурчала урчаще, —
впивался когтями,
цепляясь за душу,
мурыжа порог, —
боялся влюбиться —
кусался словами
больнее и чаще! —

я снова заснула,
когда он проснулся
в моем дежавю...

КОРОЛЕВА МЕЧЕЙ

Север, гордись же! — собою, не мной —
Льдины кристаллов в глазницах лелея:
Стану средь прочих — любимой — женой,
Самой холодной из женщин апреля!

Циник на троне зловещих мечей —
Разве не пара пронзенной мечами?
Многим желанной, по факту ничьей —
Время плениться твоими речами.

Проклят, кто выпил по капле до дна,
Душу воронам кромсая над бездной...
Делай, что хочешь, надежда — одна:
Больно не будет фигурке железной!

Мне ли бросаться в объятия весне,
Прячься от солнца в темницах с гробами?
Ты же все чаще целуешь во сне
Льдины кристаллов стальными губами.

АПРЕЛЬСКОЕ СОЛНЦЕ

Солнцу рисуя лучи,
Ночью балуясь любовницей,
Выдал от сада ключи,
Богу представил смоковницей.

Судьбы едва ли совьем —
Стынет Европа и Азия —
В мире полночном твоём
Солнце — всего лишь фантазия.

СИРЕНЬ 5-ЛЕПЕСТКОВАЯ

Не жаль — приезжай
прямо в Скрижаль
из тучи! —
здесь же и жизнь
расцветает все круче,
и ярче костры —
жгут
мосты
в Душу
кресты
смертельные,
вот метелка, держи
я
не струшу! —
на ты —
в миражи
васильково-метельные,
где Море тайком купается,
это Кай
никогда
не раскается,
а я — не кукольна,
никем не купленная —
грусть
царско-сельски —
хрустально —
купольная! —
брось! —
вряд ли вновь разобьюсь,
оттого не боюсь
мыслить не в такт —
факт,
что приятнее так,
чем дышать на авось
маем поврозь —
умаяться:
здания — в знания,
знания — в звания,
а потом? —
дам задание —
Свыше разрулится! —
мудрость
на хитрость
не хмурится —
ибо — спасибо,
стишок!
до свидания!
на посошок
глупой Надежде солги —
наши долги
спишешь-простишь
и — беги
подростково! —
сквозь тишь —
точкой гнетущая! —
тонут друзья и враги —
нет дна! —
в сердце,
где я — одна,
пятилепестково
сиренью
цветущая...

ЖАЖДА

в центр сердца! —
целуя от жажды,
да, я хотела
раздеться
— дважды! —
сбросить платье
из чувств
итогово:
укради
голос логоса —
в логово! —
полетим
за границу
страниц!
— с Богом! —
за здоровье! —
из глазниц
ядовитых
гробниц
— к Солнцу! —
в заглавие!
А Смерть
нынче хнычет
в бессмертной (!)
песочнице,
хандрит,
курит нервно!
не мне! —
в любви быть —
заочницей!
но
верной
дорогой —
другой! —
на Жизнь,
дорогой! —
пусть временна,
коротка стрижкой
эпилоговой!
ты терзаешь меня
осьминогово! —
а кто
отец-то?! —
непреднамеренно —
черт с ней,
с интрижкой! —
наконец-то!!!
я!
от тебя!!
беременна!!!
книжкой...

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Александр Гумённый
ИНЕТ_СОИТИЕ

М.: «Вест-Консалтинг», 2023

В любом увлеченном человеке, в хитросплетениях его занятий и достижений можно заметить своеобразную нейронную сеть, связывающую воедино многие его творческие устремления, которые, несомненно, влияют друг на друга — иногда непосредственно, чаще опосредованно, но достаточно тонко... Спортсмен и тренер **Александр Гумённый** достиг многого в области пауэрлифтинга, но при этом давно пишет стихи, публикуется, и вот, наконец, первая книга — как первый подход... серьезный неспешный комплексный подход к новому отбору и выстраиванию текстов, с новым взглядом на них, с осознанием и учетом — перефразируя название книги — всех этих сложных связей и взаимовлияний текстов друг на друга, сети вселенной на тексты, поэта на тексты и на вселенную... с рождением нового опыта, который тут же начинает взаимодействовать с поэтом, влияя на стратегию поэтического мышления через некие речевые акты, с игрой стиховых синапсов...

Предполагаю, что связанная с минимализмом поэтическая стратегия Александра Гумённого происходит и от лаконизма четких спортивных задач своего вида спорта, и от желания удержать внимание читателя, быстро листящего странички соцсетей, и — возможно — от недостатка времени или — напротив — от достаточности для автора такой малой формы... чтобы переключиться с физического на интеллектуальное, с грубоватого на нежное, с общего на детальное — на поэзию, которая, канонически возвышая в пафосе подревнегречески или «остранная» по Виктору Шкловскому, в любом случае, возвращает силы, элементарные физические силы, но добавляя к ним еще и новые эмоции, и осознание находок в движениях мысли, образа, нюансов иронии и так далее... ибо, как чувствует лирический герой книги, «... ПУСТОТА более / реальна / момента / в котором / пробивается / мысль» («Время зависло») бежать «пустот», так или иначе... или тривиальностей, клише... Отсюда и описания автора — довольно разные и по форме, и по идеям. Поэт как бы говорит нам, что минимализм для него носит не концептуальный характер, например, минимального верлибра или афоризма; для Александра Гумённого минимализм — это всего лишь категория объема.

Однако в многолетней верности этой категории как таковой автор не уступает многим коллегам-поэтам, избравшим это направление... Чуть более длинные тексты единичны: «Время зависло» (начало и вовсе намекает на классическую катренность), «Из стиха в стих»... Обратим, кстати, внимание на строгие трехстопные размеры в «Ожидании»... Наконец, и сам приснопамятный 4 стопный ямб, «надоедавший» еще Александру Пушкину, применен в одном из посвящений поэту и философу Константину Кедрову («Аура»), основателю ДООСа. В ДООСе — Добровольном Обществе Охраны Стрекоз, учрежденном Кедровым еще в 1980-е годы, — Александр Гумённый состоит в звании пауэрзавра... Естественно здесь и влияние текстов поэтов ДООСов, и наличие нескольких им посвященных миниатюр в этой книге...

Особый философский концепт книги состоит в своеобразном прохождении через «нуль» — как через инициацию или испытание — многих мотивов, их «обнулении» через «пустоту», в олицетворении нуля, в его взаимодействии как с квадратом пикселя (от Казимира Малевича?), так и с единицей — по сути, со своей противоположностью... От этого часто «беззагогулин мышления / нуль впадает в депрессию...» («Квадратизм нуля»). Такова, видимо, «рефлексирующая / беспредметность», еще одно олицетворение уже не цифры, но целого направления в истории визуального искусства — констатация в двуступенчатости автора, приводимого здесь полностью («Иная мысль»). Очень многое у автора живет своей жизнью, и это один из подходов поэта к своей поэтической вселенной — называть, наблюдать, наделять... Другой подход, другой вектор стратегий, сосуществующий с предыдущим, — ощущение себя как продолжения частей компьютера, его «тела» и частей этого тела, — все это восходит к банальной проблеме и философии искусственного интеллекта, однако в подходе поэта приобретает оригинальные личностные черты, и об этом тоже подумаем далее...

Во вселенной есть не только некое нульпространство, но и строго пульсирующие квазары, и свободно разбегающиеся туманности... Аналогичное наблюдаем в книге Александра Гумённого — широкий диапазон форм на малых пространствах, не покушаясь на галактики, читай — поэмы и циклы... Хотя в сумме многие миниатюры книги подобны звездным скоплениям или созвездиям — так они влияют друг на друга, и все это я попытаюсь объяснить далее...

Автор иногда использует палиндром — строгую форму, концептуально противостоящую свободной форме верлибра. Откровенное палиндромное название («Инет и тени») и отдельные палиндромические буквенные строчки перекликаются в книге с (полу)палиндромом стиховым. Стихотворение по строкам «читается сверху вниз и снизу вверх» (примечание автора к тексту «Искусство»), подобно тому, как «король рифмы» XIX века Дмитрий Минаев писал пародию на стихотворение Афанасия Фета, когда — говоря лингвистически — тема и рема меняются местами... а по образам стихотворения это отсылка уже к сюрреализму, и тут тоже проявляется эле-

мент Кедровской концепции формального выворачивания / инсайдаута. Недалеко от этого находим и более «конкретную» картинку почти от Сальвадора Дали: «в затылке дверь / астральная иногда...» («Другая дверца»), которую заливают «монтажной пеной». Или «кто-то думает мной / хорошо бы узнать — / кто?!» («Кто»). Или «слово постриженное / налысо обрастает...» («Верлибр»).

Да, действительно, в книге много верлибров. Поэтов минималистов, избегающих силлаботонику, справедливо называют верлибристами... но для принципиального верлибра в миниатюрных формах очень важно избежать рифмы, ибо в миниатюре рифма сильнее видна (и слышна) — относительно более протяженных текстов. Но это не концептуальная проблема для поэта Александра Гумённого, свободно открывающего ворота или порталы для входящих к нему образов, форм, техник... в том числе, с привлечением спонтанных рифм, естественных как для обычной речи, так и для тонких игр со словом...

Отметим более или менее явные рифмы в следующих миниатюрах автора: «Серьезная шутка», «Случай», «Просто я», «Никак», «Театральная площадь», «Иногда», «Обновление», «Другое»... Есть рифмы единичные («Слова», «Переход»), рифмы более последовательные («Диаграмма»), графически уточняющие форму... И даже когда «...рифма иссякла / привнеса исчезновением / естественность восприятия / без макияжа» (в миниатюре с названием «Без рифм!»), сама рифма как таковая не иссякает, ибо, формально говоря, три строки составляют тут комплекс ассонансных рифм: иссякла / восприятия / макияжа, с добавлением внутренней рифмы «привнеса». Все это отнюдь не придири, не претензии — для поэта, для его принципиального подхода естественно не вдаваться в такие рифменные полумерцания — да, практически безрифменные для поэта, он об этом не думает и думать не должен, иначе эти огоньки сойдут с правильного пути свободно льющемся поэтическом пространстве и подпространстве, а вдаваться и пояснять — это задача других пространств — филологических...

Важно, что этот же пример позволяет включить в аналитический процесс третью сторону, помимо поэта и филолога, а может быть, это самая что ни на есть первая сторона — читатель. Да, для него такие рифмы — не рифмы, он их подсознательно сравнивает с большим объемом классических сильных рифм, — а в целом читатель наслаждается текстом как таковым и образами, непосредственно летящими к нему: читателю по большому счету все равно, как делаются стихи, — и это правильно, — по меньшей мере, все равно при первом прочтении, а этот факт — факт хотя бы одного прочтения — уже радует любого поэта. Другое дело, читатель с аналитическим складом... или читатель-филолог... Но это совсем другая тема, есть и поэты с таким подходом, с такой адресацией, к ним Александр Гумённый, конечно же, не относится. Как не относится он на прямую и к выделению критиками современным поэтам-минималистам, — в этой книге немало самых разных форм на стыке, а то и на синтезе приемов, техник, стиховых стратегий... Впрочем, и к этой (полу)рифме ассонансной — важной — еще вернемся...

Отсюда, при таком подходе к звуку, естественно прийти и удачным «сгущениям» — насыщенным сплавами звука и смысла строкам и сочетаниям, подобным такому: «ленивое телотюлень» лирического героя («Лето вдыхаю») или некое «исполиньское тело исполнено» — чем? кем? просто «исполнено», и этого бывает достаточно (в миниатюре «Сегменты тела»). В целом, «тело» для автора это, как мне кажется, попытка (или интуитивный прием) через такое приземленное робкое «разоблачение» или показ на своеобразном подиуме книги (вспомним профессию автора) вдохнуть в поднадоевшую форму некий новый дух или душу, вернуть формателу

первоначальную нежность, насытить свежими эмоциями, «сокращая расстояние / от мозга до сердца» (как в миниатюре «По ту сторону»), в конце концов, разобраться антропологически или по Осипу Мандельштаму, «...что мне делать с ним», с телом. Есть и вариант достаточно простого ответа в миниатюре «Штанга», которая «отвечает / взаимностью / избегаясь всем телом...». Пауэрзавр вспоминает свою естественную среду...

Другой аспект расширения диапазона форм и ухода от прекрасного, но достаточно узкого пространства поэтики минимализма — это включение визуального элемента поэтики. Тексты Александра Гумённого здесь и там прорываются в «над», в метапространство визуальной поэзии или хотя бы ассоциаций с ее видами, формой, историей... Например, описание «это открытая книга / но не каждому / виден текст» («Квадрат Малевича») отсылает не только к художественному, но и к стиховому — к визуальности «Прекрасного зачеркнутого четверостишия» Владимира Казакова. А миниатюра «Диаграмма» напоминает о некоторых фигурных стихах Серебряного века...

Наконец, квинтэссенция визуальности, концептуальная противоположность верлибру — все тот же палиндром, с его подвидами — от бисерной буквологической техники, когда строка есть рифма в себе, аналогично «вещи в себе», до макропалиндромии — стиховой, семантической, хиазмической... Все это, наряду с вышеперечисленными формальными поисками, в том числе интуитивными, тоже пунктиром проходит через книгу Александра Гумённого.

На широкой палитре поэта, в противоположность палиндромии, есть и более тонкие моменты формы, и рифмы есть менее яркие, средние по силе, медианные рифмы, как я их называю; и часто эти рифмы более интересны, чем сильные, особенно если выстроены в систему, пусть даже минимальную, пусть неосознанную, подсознательную для поэта, но это несколько не умаляет, а, напротив, — только приумножает достижения интуиции автора: «винчестер разума / отформатирован / и белые страницы / поглощают остатки / желаний...» (ср. ниже сочетание «винчестер Бога» или текст «Память»). Может быть, кому-то покажется странным, но в этом полностью процитированном 5-стишии с названием «Сон» все стихи зарифмованы, а четыре стиха (кроме первого) объединяются в систему ассонансных рифм на основе строгой звукобуквенной пары А/И, с варьированием ударений... отформАТИрован / стрАНИцы / остАтКИ / желАНИЙ... В целом такие стихи я называю интегральными, проходящими по граням и границам, сочетающимися в гармонии свойства многих компонентов форм стиха, смягчая острые углы явных форм, когда ни один из компонентов не бьет в глаза, когда элементы и уровни интегрированы друг в друга в «соитии», и тут снова вспоминается название книги... Перечитайте этот «Сон» еще и в книге — несложную по образам миниатюру из 5-ти строк, но насладитесь тонкой игрой ассонансов, усиливающей, нарастающей к концу текста трагический нарратив.

И теперь от формы к смыслам... Вспомните, с какой категорией всегда ассоциировался сон?.. Правильно!.. Ассоциативное «переформатирование» такого рода, когда оно полностью сочетается с образом, не перечеркивая начальный заявленный образ, делает текст в целом глубже, — вспоминаются многие сюжеты и картины, тот же шекспировский «бедный Йорик», если угодно...

Один из пунктиров поэтики книги — спасительная ирония, вплоть до философской горечи или абсурда: «Камень», «Пиксель», «Лозунг», «Никак», «События»... Самоирония в миниатюре «Мигрень» переходит пунктиром в трагический сюр другой миниатюры, с уточнением в названии «Пуговица и мигрень», «винчестер Бога / с гениальными / соседями» («0101010101 ДООС»).

А «винчестер разума», или «матрица», словно бы в следующих сериях — в одном из стихотворений / перевоплощений — переходит в состояние, когда «пиксели пробиты / роботехники сознания / дорисовывают реальность / но спасительна только / пощечина сужающая / действительность / до точки взрыва» новой вселенной (?) («Матрица присутствия»). И после этого — как диптих — миниатюра «Матрица отсутствия» с ее «деструкцией мышления» как вариантом почти постмодернистского тасования образов... В конце концов, «...настоящее кажется / фейком», то есть той же матрицей («Другое время стучится...»), — холодный формальный (или форменный) апокалипсис... Далее некуда?.. Почему же?! А вселенные новых «перезагрузок»?!. Но если, напротив, «дойти до самой сути» другого рода, до микрокосма этих пикселей или атомов стиха, то за каждым словом, за каждым стихом можно попытаться найти или объяснить некую правду перезагрузки строки...

Словостих, или словострок, отгороженный не штакетником слешей, как тут, в тексте статьи, но воздухом или вздохом белого пространства, как далее в книге (отсутствие пунктуации здесь только на пользу), — словно этаж или кирпичик здания стиха, точнее, конструктора поэта, кото-

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СОБЫТИЯ

«ПОД НЕБОМ РЯЗАНСКИМ»

Окончание. Начало на стр. 1

получила **Зоя Донгак** (Москва — Тува). Победителями в номинации «Военно-патриотическая лирика: "Я дождусь тебя, сын!", посвященная СВО» стали **Наталья Степушина** из районного поселка Шилово Рязанской обл., она заняла первое место, и поэт из Белоруссии, из г. Бреста **Анатолий Яльницкий**, он получил гран-при, и он же занял первое место и в номинации, посвященной творчеству Сергея Есенина: «На земле, мне близкой и любимой, эту жизнь за все благодарю». Были еще и номинации «Литературный перевод — языки народов России и мира» и «Живопись в помощь литературе»... Там на первом месте оказались, соответственно, **Вадим Сергеев** из г. Самары и **Елена Фаддеева** из г. Рязань, и **Татьяна Мажорина** из г. Волгодонска, Ростовской области.

Надо отдать должное членам жюри, среди которых наряду с Ириной Маниной, Ниной Красновой и председателем Ольгой Борисовой присутствовали **Лариса Абдуллина, Алексей Акиндинов, Михаил Даншов, Наталья Ивахненко, Олег Романов, Ольга Сидорова**. Они были доброжелательны и справедливы.

Прошел по традиции и конкурс на «Приз зрительских симпатий», этот приз был единогласно присужден заслуженному работнику культуры РФ, рязанской журналистке, писательнице **Людмиле Гоенко**, которая вела мастер-класс по прозе и прочитала со сцены стихи Сергея Есенина.

А программу 18-го фестиваля «Под небом рязанским» вели **Лариса Лялина** и **Семён Яковлев**.

Николай ФОНАРЁВ

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Окончание. Начало на стр. 3

рый пытается подетски и посвоему воспроизвести наблюдаемое пространство и цепь событий в нем, чтобы хотя бы назвать, номинировать, разобраться, что есть что в этой вселенной, навалившейся на «винчестер разума» его... в надежде на его «перезагрузку», когда слов «необходимых / оказалось больше / чем знал ранее» («Перезагрузка»). Язык, как любовь, побиблейски «все покрывает» и «не ищет своего»... разве что, по той же технике хиазма или инсайда-ута, ищущего своего поэта... в свою очередь, ищущего смыслы поэзии всюду, цепляющегося за них — спасительных, и это его выбор, его подход как поэта, открывающего (ся) миром: «я забываю значения / слов / но слова не забываю / меня» («Слова») — хиазм, не распинающий, не пригвождающий своей формой, но соединяющий, спасительный, ведь «черепа человека... равен вселенной», по словам того же Малевича. И здесь тоже вариации «тела», несколько подтрунивающего над подобным пафосом: «неровности черепа / в витиеватости мысли / объем мозговой субстанции / от весомости взглядов...» («Остаточные проявления»). И вот — на качелях коннотаций — винтэссенция абсурда и иронии масштаба космизма: «на совковую лопату / хорошо помещается мозг / и тяжесть веса / подбрось в небеса...» («График жизни»). Звукоспись свистящих в земной атмосфере слов — сохранится ли она в небесах, если эти небеса насыщены вакуумом, беззвучием?.. Вопросы поэта, на которые отвечать читателю...

Это постоянное влияние «неба» как «высоты взгляда» (первая строка из концептуального «Конструктора любви» Константина Кедрова) не скрывается Александром Гумённым, открыто исповедующим идеи ДООСа и продолжающего образы из поэзии его основателя. По ходу книги вспоминается Кедровская метаметафора — «НАДметафора», охватывающая все уровни форм и миров сверху донизу в разных «...космах», в разных измерениях, в необычных столкновениях слов и образов, и тут телесночеловеческое, костное, но не косное, — те самые «черепа» — уже приобретают черты космического: «взмах век — это расстояние / между частицей и волной / уже другого мира» («Квант зрения»); «виртуальный плен глаз / прикосновений слова... / ... / губы — страдают светом» («Елиза_бред»). И тут еще один рефрен с использованием легких, но выразительных визуальных возможностей графики — знак подчеркивания пробела — как вакуума, из которого рождаются частицы на стыках слов при их «соитии»... как в одном из названий, вовсе уходящем в чистую визуальность, как бы ностальгирующую еще по графике 1990 х («0_0»). Метафоризируется и компьютерная мышь, и даже двоичный код, который, будучи воспроизведен отдельной строкой, переходит в ряд философии визуальности балансирования между или на грани, — Кедровское «ИЛИ», или, если угодно, — еще

Александр Гумённый
ИНЕТ_СОИТИЕ

М.: «Вест-Консалтинг», 2023

Аристотелевское... или удивительное наставление Феофана Грека Андрею Рублёву из фильма Андрея Тарковского: жить «меж великим прозрением и собственным терзанием», и это уже далеко не вакуум... Однако мы уходим в другие формы визуального искусства... А здесь необозначенная вакуумная середина, эта меж/межа на бумаге сквозит невидимыми слезами между цифр — «010101...» Под нулем и единицей, как в математической формуле, можно иметь в виду любые противоположные категории, будь то черные и белые клавиши рояля как банальная метафора жизненных удач/неудач, и далее — добро/зло, жизнь/смерть...

Любые столкновения противоположных образов, не имеющих никакой возможности существовать отдельно друг от друга, ибо только вместе, в «сумме», в этой последовательности нулей и единиц, в их дальнейшем варьировании заключены многие нюансы, недосказанные разветвления смыслов и ассоциаций. И все это достигается минимальными, но качественными приемами поэта — созданием «рамки» и «рамок» в целом на протяжении всей книги, и, в частности, «рамки» для этой цифровой последовательности в виде отдельных строк и названий с ней, а также повтором последовательности в разных контекстах, своеобразным мерцанием или пунктиризацией на холсте книги, его прошивкой во всех метафорических смыслах — textus/ткань. Например, на уровне медианной рифмы эту прошивку иллюстрирую выделением звукобукв таких соседних строк: «Винчестер Ра'зума / отформати'Рован...» («Сон»). Р — разбегаются во второй строке после столкновения в первой... МА — МАтериализуется в предупредительной части после заударной... В и Н — неВинно стоят по разные стороны, обозначая некую арку или сосуд для ВиНа формы... Кроме того, и на микроуровне идет переключка: эти ВиН/ВаН рифмуются по структуре с ТеР/ТиР. А уже эта пара является основой необычной диссонансной разноударной рифмы на звуках Т (И)Р (А), когда гласные звукобуквы пульсируют, мерцают, пляшут вокруг согласных: винчест (И)Р РА'зума/отформати'Р (А)ван; рифма, усиленная совпадением позиций ударения на 4 м слог этого локального двуступенчатого сложения... Вот такие бисерные нюансы рассыпаны здесь и там по книге.

Возвратимся снова к гласным звукам, к ассонансам... В миниатюре «Память» ключевым словом — олицетворенным — является «диск» (жесткий, разумеется, но, возможно и диск к той же штанге), и это единственное однослобное слово — диск — на концах всех 6 ти строк, оно же — это слово — составляет единственную мужскую клаузулу, образно говоря, хлестко бьет и звуком, и слогом, и метром — метрофонией,

как я это называю: «во мне недавно умер / жесткий диск / не выдержав давл'ния / памяти став сли'шком / толерантным И мя'гким / к информа'ции», цитируем полностью и выделяем интересующие нас тонкости метрофонии в позициях рифм. Относительно делений на строки у нас был диалог с автором, тут возможны вариации, но при всех этих вариациях заметна тонкая игра на ударном и безударном «и», впервые появляющимся в тексте именно на ключевом слове «диск» (слышится и «Иск...»), связывающим текст воедино, вращающимся вокруг ударных звуков на мягких «женских» клаузулах (буквально — «...и мягким»), возвращающим слух читателя к слову «диск», а в конце настоятельно повторяя — ...ии! Подсознательное шифрование аббревиатуры того же Искусственного Интеллекта (?)

Игра в бисер?.. Да, но с расшифровкой, с уточнением — интуитивное чувство слова, веселящегося в детских игровых формах в подсознании, но обузданного чувством формы поэта, но говорящего поразному и посерьезному, и все это тоже один из подходов поэта — в ряду обузданий по убоганию текста в длинноты...

И здесь будет вполне уместно объединение двух цитат от классиков XX века в единую формулу представляемой книги, в которой, смягчая нравы и плавно огибая углы пересечений дорог и троп, «женихающиеся слова» (Велимир Хлебников) «должны обнимать и ласкать друг друга» (Николай Заболоцкий)... При этом в голове читателя — в моей, по меньшей мере, — происходит естественное смягчение от такого «влечения», свет и тень тех же нулей и единиц (читай, всех контрастов) преобразовывается в книге в светотень, «порожки» в графике восприятия превращаются в синусоиды, в их комплекс, в сложную поэтическую личностную картину мира, в тот подход поэта, где пиксели минимализируются, смягчая контрасты, но всетаки не замыливая картину, где к пафосу примешивается ирония, а к быту — бытие как философская категория...

При всем при этом заявленный книгой подход поэта Александра Гумённого к Поэзии подобен первому минимальному — минималистическому — осознанию бесконечного пути познания мира и себя в этом мире с помощью стиховых форм, прирученных, обузданных, в которых — как и положено — должно быть тесно словам, зато...

...и далее — книга перед вами!..

Александр В. БУБНОВ,
доктор филологических наук

ОЧЕРК

Ольга МИХАЙЛОВА НА СЕВЕРЕ — МЕЧТАТЬ!

Ольга Михайлова — прозаик, поэт. Известна публикациями в журналах «Дети Ра», «Зинзивер», «Зарубежные записки», «Фото Travel», «Эгоист Generation» и газетах Linnaleht (Таллин), «Литературные известия», «Поэтоград». Она — автор нескольких книг. Живет и работает в Москве.

Какой он, Север? Тот, который на Кольском, отмеченный линией Северного полярного круга, невидимой, но ощущаемой за счет энергетических вибраций воздуха и непроходящей внутренней восторженности. Это Север, подвластный Северному ледовитому океану, мы называем его Арктикой, и затерявшийся в глубинке озерно-лесотундрового края, где господствует Беломорье. И вроде недалеко он — всего несколько часов полета до Мурманска, а словно на другой планете.

Север открыт для познания. За плечами путешествия, ошеломившие новыми открытиями. Память бережно хранит увиденное: горящие цветами осенней палитры Хибин, северное сияние, долгожданнами всполохами тронувшее небо Териберки, уникальные петроглифы и мистические сейды, разнообразие Беломорского побережья — от заповедных островов, разбросанных в Кандалакшском заливе, до курумников и обнажающихся в отлив широких цвета густого какао песчаных отмелей, ковер из белошника, на который плюхаешься и рассматриваешь, как стройные тонкоствольные сосны пронизывают небо. А сколько ликования от упругого шикшевника, выставившего щедрый в прошлом аметистовый берег! И слово-то исключительное — «шикша», и невиданная прежде сочная ягода, оставившая чернильные отпечатки на любимых джинсах...

Совершен нешуточный маршбросок от Мурманского берега до Кандалакшского и Терского. И нет конца и края этим берегам! И манит глухомань дремучих лесов, картинные вершины сопков, гремящие порогами-перекатами реки и водопады, многочисленные синеокие озера, обрывающиеся в море-океан скалы, не умолкающие птичьи базары. Но есть что-то еще, неуловимое и прекрасное, от чего волнуется сердце... Знакомство с Севером продолжается.

«ПРИВЕТ, ТЕРИБЕРКА!»

Такого безупречной белизны снега я никогда не видела. Невероятная активность солнца — им объята вся тундра. Белоснежье, сноукайтинг — был бы ветер, и живописная дорога с ветряками до неба — дух захватывает!

— Сфотографируй меня на фоне тундры! — высказываю из машины, развожу в сторону руки — хочется обнять мир!

Сугробы выше головы, столбы с проводами, деревянные дома, лодки, вороны, не желающие фотографироваться, и общий монокромный фон, время от времени разбавляемый оттенками синего, когда небо над Лодейной бухтой проясняется.

— Привет, Териберка!

В нашей аутентичной деревянной избенке уютно: в современной печке буржуйке дровишки потрескивают, мы снимаем на видео, как пляшет огонь, окна двойные, рамы старенькие, но надежные — ветер сквозь них не проберется, в комнатах конвекторы сжирают кислород. Открываю форточку, не могу надыхаться. «Форточка, форточка», — воспоминание из прошлого, когда мы жили в пятиэтажке... Нравится мне эта полезная дополнительная дверца в оконце, обрамленном нежными ситцевыми занавесочками. Через минуту на улице снова метет. Мелькнувшей фигуры прохожего уже не видно — все поглотила снежная мгла.

Под утро, когда спалось особенно сладко, что-то громко загрохотало по крыше, будто прошлогодний горох рассыпали. Град! После неугомонных белок, устроивших на крыше Жениного «Дома у озера» догонялки, ничего не удивляет. К утру снега набралось! Особенно пострадал вход — он как раз с наветренной стороны. Но мы не унываем — лопаты в наличии!

Село давно проснулось, а мы садимся завтракать. Каждый в мохнатых шерстяных носках — совсем по-домашнему. Я завернулась в клетчатое пончо, приглянувшееся мне еще в доме. Без него ехать на край света наотрез отказывалась.

Дрова бесследно догорели. Через форточку наблюдаю новый день: две собаки о чем-то молчат, невзрачный домишко, занесенный по самые окна, и дворик с одиночными пенечками некогда благополучного забора — смотрится сиротливо, но для фотографии то, что надо.

ВСТРЕЧА С ОКЕАНОМ

Облака разорвались — есть шанс на удачные кадры. За несколько дней погода в Териберке менялась невероятное число раз — солнце-снегопад-солнце-снегопад... Мы приняли условие и были наготове: прошел фронт, ноги в руки — на улицу. Вот и сейчас спешно собираемся: кто-то планирует

выйти в море на поиски горбатого кита, в такой-то нестабильный прогноз, нам с Женей тоже к морю, но по суше. Мы разместились в санях, прицепленных к снегоходу, укрылись тулупом — душевно! Подскакивая на кочках, чудо-техника мчит нас к тропе, ведущей на Батарейский водопад. Вместо струящихся потоков воды — замерзшие острые выступы камней и ледяные глыбы.

— Ты хотела снимать чайный базар. Поднимемся на скалу — оттуда хорошо видно, — уверяет Женя.

Немного сомневаюсь в безопасности затеи. Помню, ногу здесь подвернула, так что место знакомое. Но вид сверху — закачаешься! Что ж, надо закачаться еще раз — все же другой сезон, другая картинка. Рискнут!

Гвалт стоит — вот беспокойные пернатые создания! В стороне от чаек у края площадки — платформа авианосца в миниатюре, уютятся хохлатые бакланы. До слуха доносится невнятный грохот. Накатывает предчувствие неизбежности очередного снежного заряда. Успеваю сделать несколько кадров, и через пять минут птиц не видно — метель разошлась не на шутку. Только держись, чтобы ненароком не поскользнуться, не оступиться и... А внизу море-океан бушует.

Оборачиваюсь назад — где-то там, в обход склона, петляет тропа. По ней мы пришли, по ней должны вернуться. Едва различимые темные силуэты... Задумав записать на рассвете эксклюзивные видео-ролики, ребята прибыли на место задолго до нас и теперь с упорством первопроходцев заново прокладывали тропу. Но что толку — снег заметает следы, их как не бывало. Одна надежда на Женю — она выведет. Вывела. Как и накануне вечером. И что не сиделось дома? Предложила сгонять на пляж «Яйца драконов»: «Успеем до захода!» А потом внезапно свалилась ночь. Небо нехстати прохудилось — снег беспощаден, и мы едва не заплутали! Когда впереди замаячил наш автомобиль, мы выдохнули — замерзнуть у берегов океана не суждено.

Каких-то двадцать минут, и снежный фронт ушел — небо радуется. Этим надо воспользоваться.

— Ну что, на камни? — интересуется наш сопровождающий — укротитель снегохода.

— Вперед! — мы с Женей единомышленны.

До пляжа дойти всего ничего, а мы едем. Покататься на снегоходе — одно удовольствие, особенно под тулупом.

Баренцево море... Серьезное, величественное — взгляды не оторвать. И запах такой... То ли ветер принес его с самого Северного полюса, то ли это дыхание подводного мира, а может быть, рыбы пользуются экзотическими духами? Волны у берега пенятся и переливаются бирюзой. Самые смелые добираются до моих унт. Стою как замороженная, и не хватает духа, чтобы повернуться и уйти. Магия моря.

ПОРА ПРОЩАТЬСЯ

Время возвращаться и забирать после морского похода нашего третьего, любителя китов. Потом пообедать и в родные пенаты. «Главное, чтобы дорогу не закрыли», — эта мысль не покидала ни на минуту, и мы с некоторой опаской поглядывали на информационное табло, установленное на выезде, и оптимистичный зеленый глаз светофора. Женя мониторит скорость ветра: «Страшен не столько снегопад, сколько перемены — они неминуемы при ветрах свыше 10 км/час».

У нас есть пара часов, и мы отдыхаем в кафе с видом на бухту: делимся фотками из телефона и любимемся девственным пляжем — как на лучших курортах Средиземноморья, если не обращать внимание на снежную крошку. На песке четкие отпечатки — птицы исследовали побережье.

Близ берега обыкновенные гаги и несколько морянок. Хватаю камеру и туда. Птицы с любопытством разглядывают меня. У воронов брачный период. Пляж пуст — весь мир у птичьих лап. Но осторожные черные птицы не готовы демонстрировать напоказ свои чувства и не оставляют мне шанса.

— Где ты там? Обед стынет, — Женя возвращает меня к реальности — с этими птицами обо всем забываешь...

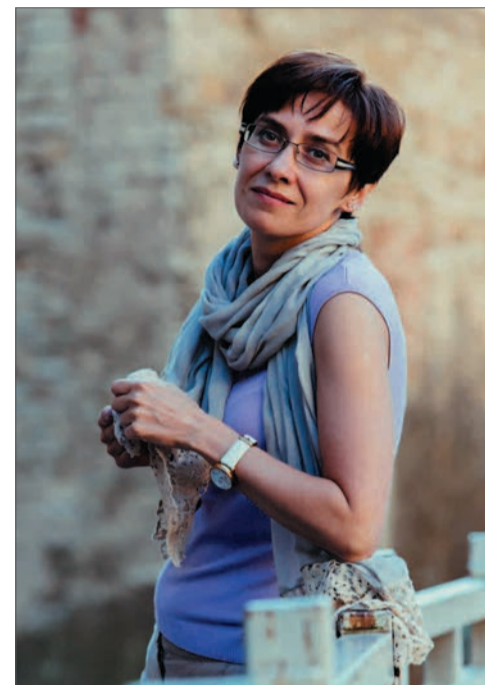
— Бегу!

БЕЛЫМ-БЕЛО

— Ты видишь дорогу?

— Нет!

— А она есть!

— Куропатка! — Женя слегка притормаживает, знает, что птицы — это мое все. — Еще одна!

Щелкаю из окна. Сразу не заметишь белое на белом. Несмотря на короткие ноги, птицы проворно передвигаются по снегу, и вскоре я теряю их из вида. Липкие снежинки норвят попасть в объектив — их все больше и больше...

Мы и не предполагали, что идеальная при отъезде погода резко поменяется, застав нас как раз на том участке дороги, где и разехаться проблематично, и уровень снега по обочинам под два метра. Переметов не избежать.

Позже Женя выложила в соцсетях пост с фотографией (а на ней ничего и нет), сделанной через лобовое стекло: «Возвращались из Териберки в белом бесконечном пространстве, в котором потерялась дорога. Небо слилось с землей в единое целое. Это жуть! Здорово, что есть вешки!»

Когда едешь по невидимой дороге в никуда, ощущение странное...

Через день дорогу закрыли — я узнала об этом из новостей...

ДОМ, МИЛЫЙ ДОМ

«Наконец, вернулись!» — подумал гостеприимный дом и воспрянул духом. Мы остаемся ночевать, чтобы передохнуть перед переездом в Кандалакшу и просто немного побыть с домом. Пять лет назад Женя дала ему имя «Дом у озера», определив его значимость для себя и будущих гостей. Он стал кровом для путешественников, ценителей тишины, любителей природы, местом встречи друзей и единомышленников. В нем немало интересного и необычного — не успокоиться, пока все не изучишь, не потрогаешь. Здесь хранятся бубен шамана, которым Женя меня «простукала», глюкофон, тотчас переключавший ко мне на колени и заполнивший дом волшебным звуком, украшенные птичьими перьями ловцы снов, причудливые коряги и очищенные до блеска ракушки гребешков, можно взять на память понравившийся, книги, открытки с рисунками обитателей Севера, выполненными местными художниками, — тоже приятные сувениры для гостей.

На первом этаже в просторном зале-гостиной во всю стену то ли окно, то ли картина — созерцаешь происходящее в реальном времени. Я не удержалась и выложила в ВКонтакте фотографию окна/картины. «Какой у вас хороший телевизор!» — прокомментировали мой пост.

Все время, пока я в доме, старательно высматриваю кукшу. О том, что она обитает в окрестностях, узнала случайно — Женя прислала фотографию: «Это кто?» С тех пор не было мне покоя. Но кукша не прилетала — закон подлости и в этот раз увязался хвостом.

Моя комната на втором этаже с видом на озеро. Но за деревьями виден лишь его краешек. По веткам без устали носятся белки: одна, вторая, третья... За раз насчитала шестерых.

— Повесила бельчатник, так белок развелось — спасения нет! Умудряются пролезть под крышу и давай там дебоширить, — сетует хозяйка. — Ты ночью не пугайся, если что.

Спросонья почудилось, что с крышей что-то неладно — стук, шорох, перекачивание чего-то, громыханье, цоканье... «Белки, дайте поспать!»

ОЧЕРК

ОЛЬГА МИХАЙЛОВА НА СЕВЕРЕ — МЕЧТАТЬ!

Окончание. Начало на стр. 5

Солнце заглянуло в мое окно и подмигнуло: «Лови безоблачный день!»

«Хочу на озеро!» — закутываюсь и бодренько выбегаю в студеное утро. Двадцатиградусный мороз ерунда, когда вокруг такая красотища! О границе суша/вода можно догадаться разве что по контуру лесных насаждений и утоптанному пятачку снега. Вот бы искупаться в озере! Летом.

Из типи доносится легкий перестук. «Женя упоминала о заветных камнях с предсказаниями...» — приподнимаю полог. Вот они: такие похожие, но разные. Задумавшись, трогаю камушки, разговариваю с ними. Какой из них мой?

ОДИН ДЕНЬ — ЭТО ТАК МНОГО И ТАК МАЛО

В Лувеньгу прибыли после полудня. Погода комфортная — легкий морозец, ясно. По планам — подъем на Волостную. А до этого...

— Пробегусь, разведая, что и как.

— Сними развалюшку, если попадется, — летит мне в догонку. — Полчаса хватит? Света ждет к обеду!

— Я одним глазком, — киваю в ответ.

Мне тоже интересна тема «Заброшенные деревни». Но нет, Лувеньга не заброшена, наоборот — в советские времена славилась передовым совхозом. А истлевшие оставленные людьми дома можно обнаружить в любом месте — глаз сразу такие выхватывает. Переходишь по мостку через р. Лувеньга, в прошлом году, говорят, здесь оляпка гнездилась, и вот он — столетний дом. Неравнодушные люди взялись за него — восстанавливают помаленьку.

В долгожданной тишине лишь шум ветра — это мне по душе. Ветер старательно стряхивает с деревьев налипший снег — несколько дней безостановочно мело. Резкое «Фррр» — пара тетерок, приметив меня раньше, чем я их, рванула к высоким березам. Расселись на гибких ветках — качаются. Крупные птицы нелогично смотрят в нежной прозрачной кроне. Ветки гнутся, но все же удерживают птиц. В отдалении скрипучими голосками перекликаются снегирь. И вдруг, я прислушалась, оживленный говорок, совсем рядом. У крапивных стебельков суета — несколько птиц, белых, с черно-

рыжими пестринами, выискивают семена. Ба, да это пуночки! Вот небывалое везение — не доводилось их видеть. Другое название этих обитателей тундровых зон — снежный подорожник или арктический воробей. Неужели пролет? Значит, весна не за горами: с лихим таянием льдов и торосами, неожиданными майскими снегопадами, бухтящим и нехотя пробуждающимся морем, громким дыханием заходящих в залив большеглазых улыбающихся тюленей, дождями, очищающими землю от остатков снега, закатным светом пастельных тонов, озаряющим окрестные тундры, голосами возвращающихся к местам гнездовий птиц и ожиданием полярных дней. До встречи летом, птицы!

ПОКОРЕНИЕ ВЕРШИНЫ

— Север тебе к лицу, — Женя наблюдала, как я умываюсь снегом.

Желание возникло само собой, с самого начала подъема. Ладошки лодочкой, и вот у меня пригоршня своего снега — пушистого, искрящегося.

— Снег вкусный! — я поразила своему открытию.

— Это Север. Не думала перебраться в наши края? — Женя перехватывает мой взгляд. — В Кандалакшу, например.

«Кандалакша», — повторила я про себя и почувствовала абсолютное спокойствие, давно утраченное и сравнимое с укутыванием в теплый плед.

Ослепительно солнечно. У основания Волостной бок о бок стражами стоят высокие темные ели, образуя своего рода преддверие. Пройдешь его, не зацепившись за колючую красавицу и не завязнув в сугробе, откроется тогда гора — спешите покорять высоту 475 метров! На вершине забираюсь на валун — вот он момент счастья. Остается флажок поставить. Вдали — рельефные очертания Хибин. Ближе, кажется всего несколько километров, гора Железная. Напоминает... женскую грудь! Друг за другом выстроились тундры: Лувеньгские, Домашние, Колвицкие, еще дальше Елки тундры. Среди скованного льдом Кандалакшского залива контрастом темнеет полоска воды — ледокол зашел в порт. Прямо под нами — крохотный островок Ганга, занявший свое место на карте.

— Пойдемте, покажу вам арт-галерею, — зовет нас Светлана туда, где, по-видимому, без неудобных, но жизненно важных снегоступов не обойтись. — Сколько хожу, диву даюсь — каждый раз что-то новое видится. Не представляю, как можно жить без прогулок на Волостную!

— Часто поднимаешься? — интересуюсь.

— Раз в неделю обязательно. Мы с Мишель в восторге от сопки!

— Ававава, — подтвердила слова хозяйки стройная сибирская хаски.

Снегоступы в руки, то есть на ноги, и мыходим с протоптанных и наезженных снегоходами троп. Позади остается ДубльДом, яркой историей вписавшийся в пространство сопки. Одетые в белые шубки, зимуют низкорослые сосенки и елочки, предстая перед взором разными фигурами — раздолье для воображения.

— У меня было четкое ощущение, что я подглядела сцены из жизни тех, кто там живет: вот старуха дает напутствие девушке, Дед Мороз снимает шубу, маленький дракончик рассопливился, старенький фонаричок освещает путь, — Женя показывает свои фотографии.

— Еще человек с ружьем (или с косой), медведь с виолончелью, шахматная фигура конь, черепаха, — дополняю я. — А у моего Деда Мороза за спиной мешок подарков!

— Образцовая зима у нас в январе: полностью укрытые деревца выглядят еще более загадочными, сопка на закате примеряет розово-сиреневую накидку. Сейчас другие краски, приближение весны все корректирует. Смотрите, уже сосульки на оттаявших лапах плачут. Приезжай к нам в январе! — приглашает Светлана.

До января целая жизнь! В ближайших планах весенне-летние наблюдения за птицами. Лувеньга зовет!

Март, 2023

Спасибо Евгении Лебедевой («Дом у озера», ст. Лопарская), Светлане Маловой (дом на Брусничной, Лувеньга).

РЕКЛАМА

Издательство Евгения Степанова

СПЕЦИАЛИЗИРУЕТСЯ НА ВЫПУСКЕ СТИХОТВОРНЫХ КНИГ

серия «АВАНГРАНДЫ»

СМ. В ИНТЕРНЕТ-
МАГАЗИНЕ
WWW.LITLAVKA.RU

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ОБРАЗ СТРАДАНИЙ РУССКОГО НАРОДА (170 ЛЕТ ИЗДАНИЮ «ЗАПИСОК ОХОТНИКА» И. С. ТУРГЕНЕВА)

Цикл рассказов «Записки охотника» (1852) Ивана Сергеевича Тургенева (1818–883) — одна из тех книг отечественной классики, где наиболее сильно выражены духовные стороны личности простого русского человека, «русский дух», где в прямом смысле «Русью пахнет»: «Вы раздвинете мокрый куст — вас так и обдаст накопившимся теплым запахом ночи; воздух весь напоен свежей горечью полыни, медом гречишки и “кашки”; вдали стеной стоит дубовый лес и блестит и алеет на солнце» («Лес и степь»)¹.

В рассказе «Певцы» Тургенев пишет о своем герое: «Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль» (3, 222). Писатель явил себя таким же певцом благословенной русской земли, с тем же одухотворенно-проникновенным голосом: «Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны» (3, 222). Этими тургеневскими словами можно было бы выразить пафос цикла рассказов в целом.

Неслучайно И. А. Гончаров (1812–1891), прочитав «Записки охотника» во время своего кругосветного путешествия, у берегов Китая — за тысячи верст от России — ощутил ее дух, ее живое присутствие: «заходили передо мной эти русские люди, запестрели березовые рощи, нивы, поля и <...> прощай, Шанхай, камфарные и бамбуковые деревья и кусты, море, где я — все забыл. Орёл, Курск, Жиздра, Бежин луг — так и ходят около». Гончаров также отметил, что Тургенев не только с детства «пропитался любовью к родной почве своих полей, лесов», но и «сохранил в душе образ страданий населяющего их люда»².

В год кончины Тургенева его друг и земляк, поэт Я. П. Полонский (1819–1898) говорил: «И один рассказ его “Живые мощи”, если б он даже ничего иного не написал, подсказывает мне, что так понимать русскую честную верующую душу и так все это выразить мог только великий писатель».

Ф. И. Тютчев (1803–1873) пронзительно уловил в «Записках охотника» тургеневское стремление к синтезу реального и сакрального: «поразительно сочетание реальности в изображении человеческой жизни со всем, что в ней есть сокровенного»³.

Известно, какое глубокое впечатление произвели «Записки охотника» на земляка Тургенева — Н. С. Лескова (1831–1895), заслуженно признанного «величайшим христианином среди русских писателей»⁴. Он испытал настоящее нравственно-психологическое потрясение, впервые прочитав цикл тургеневских рассказов: «весь задрожал от правды представлений и сразу понял: что называется искусством»⁵.

М. Е. Салтыков-Щедрин (1826–1889) справедливо считал, что «Записки охотника» значительно повысили «нравственный и умственный уровень русской интеллигенции»⁶.

Рассказы тургеневского цикла, по признанию Л. Н. Толстого (1828–1910), открыли ему еще в юности, что русского мужика «можно и должно описывать не глумясь и не для оживления пейзажа, а можно и должно описывать во весь рост, не только с любовью, но с уважением и даже трепетом»⁷.

В. Г. Короленко (1853–1921) вспоминал, как, познакомившись в свои гимназические годы с «Записками охотника», впервые испытал чувство внутреннего обновления, ощутил духовное просветление: «Меня точно осяяло. Вот они, те “простые” слова, которые дают настоящую, неприкрашенную “правду” и все-таки сразу поднимают над серенькой жизнью, открывая ее шири и дали, <...> озаренные особенным светом»⁸.

М. Горький (1868–1936) называл «Записки охотника» в числе книг, которые «вымыли» ему душу, «очистив ее от шелухи»⁹.

Сходное впечатление испытывает и современный вдумчивый читатель, хотя со дня публикации первого рассказа цикла «Хорь и Калиныч» (1847) минуло более 165 лет и более 160 лет — со времени первого отдельного издания «Записок охотника» (1852). «Склад жизни изменился, а звук души остается»¹⁰, — говорил Б. К. Зайцев (1881–1972) о восприятии тургеневского творчества в статье «Непреодолимое» (1961).

Доминантой приведенного выше отзыва Лескова о «Записках охотника» является слово «правда» во всей его полисемантической объемности: правдивость реалистического изображения; реализм в «высшем смысле», одухотворенный романтической традицией; и главное — правда как вечное стремление к высшей Истине, к идеалу Христа, возвестившего: «Аз есмь Путь, и Истина, и Жизнь» (Ин. 14: 6).

Герои «Записок охотника» — русские православные люди. Как известно, понятие «русский» исторически уже подразумевало: «православный христианин». Свидетельство полноценного, духовно не поврежденного чувства национального достоинства — народное самоназвание: «крестьяне», в простонародной артикуляции — «хрестьяне», то есть «христиане» — верующие во Христа.

В бытии и быте народа ощутимо живое Божье всеприсутствие. Христос — в жизни, в сердце, на устах русского человека. «Господи, владыко живота моего!» (3, 37); «ах, Господи, Твоя воля!» (3, 16); «прости, Господи, мое прегрешенье!» (3, 137), — то и дело приговаривают герои тургеневских рассказов: старик Туман («Малиновая вода»), Калиныч («Хорь и Калиныч»), мужик Анпадист («Бурмистр»), многие другие. Наслушавшись в ночном зловещих поверий о нечистой и неведомой силе, маленькие герои рассказа «Бежин луг» ограждают себя крестом, именем Божиим. Все герои «Записок охотника» молятся, осеняют себя крестным знаменем, божатся, призывают «Господа Бога в свидетели» (3, 182), просят «ради Самого Господа Бога нашего» (3, 42), уповают на «силу крестную» (3, 95); на то, что «Бог милостив» (3, 78), и т. д.

Иван Сергеевич Тургенев на охоте.
Этюд художника Н. Д. Дмитриева-Оренбургского, 1879 год

Все это не формализация застывших речевых оборотов, а духовная составляющая русского языка, словесное выражение православного духа русского народа, христианской языковой среды его обитания; показатель глубинной связи слова с самой его сущностью в таинстве языка: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1: 1).

В каждом жилище русского человека: будь то помещичий дом или крестьянская изба — теплятся лампадки перед святыми образами: «перед тяжелым образом в серебряном окладе» в богатой избе Хоря («Хорь и Калиныч» — 3, 9); в «чистенькой» комнатке провинциальной барышни («Уездный лекарь» — 3, 42). Чистое пламя лампадок, свечей символизирует горение духовное, благоговение, внутренний трепет перед Богом в надежде покаяния и обновления души. Православный человек, входя под любую кров, прежде всего крестится на образа, показывая тем самым, что истинный хозяин дома — Господь Бог. Так, в больнице у фельдшера «мужик вошел в фельдшерову комнату, поискал глазами образа и перекрестился» («Смерть» — 3, 202).

Тургенев упоминает также народный обычай с образами обходить пострадавшие от пожара лесные уголья — с тем чтобы с Божьей помощью возродить оскудевшую «производительную силу» земли на таких «заказанных» (с образами обойденных) пустырях («Смерть» — 3, 198). «А с Богом-то завсегда лучше» (3, 352), — так выражает убеждение всякого православного человека Филофей — герой рассказа «Стучит!».

На Руси в каждом селе — в таком, например, как Шумихино, «с каменной церковью, воздвигнутой во имя преподобных Козьмы и Дамиана» («Малиновая вода» — 3, 31) — была церковь. Божьи церкви становились духовно-организующими центрами благословенных просторов родной земли. Храмы являлись и целью паломничества, и пространственными ориентирами, и условленным местом встречи странников, путешествующих. Так, рассказчик-охотник сказал своим спутникам, что будет «ждать их у церкви» («Льгов» — 3, 77),

и «добрался наконец до большого села с каменной церковью в новом вкусе, то есть с колоннами» («Контора» — 3, 139).

Все крестьяне в «Записках охотника» — люди Божьи. Каждый наделен своими талантами и дарованиями. Особо одаренные натуры: Яков Турок («Певцы»), Павлуша («Бежин луг»), Матрёна («Пётр Петрович Каратаев»), Акулина («Свидание»), Лукерья («Живые мощи»); главные герои одноименных рассказов Хорь и Калиныч, Бирюк, Касьян с Красивой Мечи и другие — выписаны ярко, рельефно, выпукло.

Но есть и такие, которые кажутся совсем невзрачными, как бы невидимыми, живут что называется «святым Духом». Но и эти с виду неприметные люди пребывают в лоне православных традиций. Так, церковный сторож Герасим проживал в каморочке «Христа ради» (3, 31), как и другой герой рассказа «Малиновая вода» — Стёпушка, который «не получал решительно никаких пособий, не состоял в родстве ни с кем, никто не знал о его существовании», и все же в «Светлое Воскресенье с ним христосовались» (3, 32).

Вглядываясь в русскую литературу, известный духовный писатель XX века митрополит Вениамин (Федченков) (1880–1961) отмечал, как «мало в ней положительных типов! Все больше грешные, страстные. Хорошие люди почти исключение». Среди этих «исключений» названы герои «Записок охотника», где «изображены преимущественно люди из “простого народа”, немало хороших людей. Из всех выделяется истиннопреподобная Лукерья (“Живые мощи”)¹¹.

Писатель показал русских людей как искателей и носителей истины, Божьей правды. «Мысль народная» во всех ее ипостасях, в национально-русской, всемирно-исторической и метафизической перспективах — всепроникающая в цикле рассказов. Тургенев писал Полине Виардо: «Я продолжу мое изучение русского народа, самого странного и самого удивительного народа на свете».

Таков главный герой рассказа «Касьян с Красивой Мечи» — образ странный и удивительный. В нем ярко выражены христианские черты, и в то же время — много сложного, противоречивого. Недосказанность как художественный прием в создании образа особенно усиливает его загадочность, неоднозначность.

Охотник настолько потрясен встречей с Касьяном, что на мгновение теряет дар речи: «до того поразила меня его наружность. Вообразите себе карлика лет пятидесяти с маленьким, смуглым и сморщенным лицом, острым носиком, карими, едва заметными глазками и курчавыми, густыми черными волосами, которые, как шляпка на грибе, широко сидели на крошечной его головке. Все тело его было чрезвычайно тщедушно и худо, и решительно нельзя передать словами, до чего был необыкновенен и странный его взгляд. <...> Звук его голоса также изумил меня. В нем не только не слышалось ничего дряхлого, — он был удивительно сладок, молод и почти женски нежен» (3, 110).

Карлик с диковинной внешностью выглядит как существо таинственное, полусказочное. Этот «странный старичок» (3, 110) чем-то напоминает гриб, высунувшийся из-под земли. И в самом деле, герой органично связан с землей, с родной почвой, с русской природой. Касьян, словно лесной гном, — хранитель леса и его обитателей.

Гибель вековых деревьев ради корыстных коммерческих интересов, проплешины в лесу после вырубki (на орловском диалекте — «ссечки») вызывают в Касьяне душевную боль. Не имея возможности помешать хищническому уничтожению леса, герой апеллирует к Божьему суду: «Тут у нас купцы рощу купили, — Бог им судья, сводят рощу-то, и контору выстроили, Бог им судья» (3, 111). Да и сам автор видит в рубке леса нечто трагическое, уподобляя срубленное дерево человеку, погибающему в последнем земном поклоне: «Вдали, ближе к роще, глухо стучали топоры, и по временам, торжественно и тихо, словно кланяясь и расширяя руки, спускалось кудрявое дерево...» (3, 114).

Касьян живет в полном симбиозе с миром природы, буквально говорит с ней на ее языке. Завидев маленьких птичек, «которые то и дело перемещаются с деревца на деревцо и посвистывают, внезапно ныряя на лету. Касьян их передразнивал, перекликался с ними; порошок* <...> молодой перепел. — Примечание Тургенева. — А. Н. -С. > полетел, чиликая, у него из-под ног — он зачиликал ему вслед; жаворонок стал спускаться над ним, трепеща крылами и звонко распевая, — Касьян подхватил его песенку» (3, 113).

Природа в ответ открывает герою целительные тайны своей «Божьей аптеки»: «есть травы, цветы есть: помогают, точно. Вот хоть череда, например, трава добрая для человека; вот подорожник тоже; об них и говорить не зазорно: чистые травки — Божии» (3, 118). Вместе с живительными «чистыми», «Божьими» травками Касьяну ведомы и другие растения — загадочные, «греховные», применяемые только вкупе

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ОБРАЗ СТРАДАНИЙ РУССКОГО НАРОДА (170 ЛЕТ ИЗДАНИЮ «ЗАПИСОК ОХОТНИКА» И. С. ТУРГЕНЕВА)

Продолжение. Начало на стр. 7

с молитвой: «Ну, а другие не так: и помогают-то они, а грех; и говорить о них грех. Еще с молитвой разве...» (3, 118).

Так, в своей практике врачевания Касьян также предстает как христианин, оградивший себя молитвой, заручившийся Божьей помощью. Сопровождая охотника, таинственный знахарь «беспреестанно нагибался, срывал какие-то травки, левал их за пазуху, бормотал себе что-то под нос и все поглядывал на меня и на мою собаку, да таким пытливым, странным взглядом» (3, 113).

В обывательской среде знахарей часто считали колдунами, подозревали в сношениях с нечистой неведомой силой. Однако настоящий народный целитель не только наделен открытым ему знанием сил природы. Чтобы врачевать, лекарь должен быть нравственно чистым, духовно возвышенным. Касьян помогает людям бескорыстно, от души, не помышляя о вознаграждении за свои познания и труды. На вопрос, чем он промышляет, герой отвечает: «Живу, как Господь велит <...> — а чтобы, то есть, промышлять — нет, ничем не промышляю» (3, 117). В этом он следует евангельскому завету, данному Христом Апостолам, — о том, чтобы бескорыстно делиться с людьми тем талантом, который получен человеком от Бога в дар: «Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте» (Мф. 10: 8).

В народе целителя Касьяна справедливо именуют «лекарка» (3, 112), но он уверен, что и здоровье, и жизнь человека — все в Божьей воле: «Лекаркой меня называют... Какая я лекарка!.. и кто может лечить? Это все от Бога. <...> Ну, конечно, есть и слова такие... А кто верует — спасется, — прибавил он, понизив голос» (3, 118). В этих последних словах героя — сокровенная убежденность в действенной силе христианской веры. Согласно заповеди Христа, «если вы будете иметь веру с горчичное зерно», «ничего не будет невозможного для вас» (Мф. 17: 20). В новозаветном эпизоде воскрешения дочери Иаира Христос говорит: «Не бойся, только веруй, и спасена будет» (Лк. 8: 50).

Касьян с его идеалами добра и милосердия наделен чертами праведника. С другой стороны — сумеречная таинственность судьбы героя вносит диссонанс в его образ, не позволяя ему быть до конца открытым, светлым. Так, у Касьяна есть дочь, но он говорит о ней — «сродственница», скрывая ее происхождение, хотя их кровная связь, внешнее сходство для всех очевидны. Очередная загадка: о матери девушки никто не знает, герой об этом тоже умалчивает.

Кровь, ее пролитие особенно страшат Касьяна. Недовверчиво и неодобрительно относится он к охотникам. Герой смотрит на охоту как на жестокое истребление, бессмысленное убийство «Божьих тварей», напрасное пролитие невинной крови, смертный грех нарушения библейской заповеди «не убий»: «Пташек небесных стреляете, небось?.. зверей лесных?.. И не грех вам Божьих пташек убивать, кровь проливать неповинную?» (3, 110).

Этот грех тем более непростительный, что совершается он для пустого развлечения, а не ради хлеба насущного, испрашиваемого в молитве Господней «Отче наш»: «хлеб наш насущный даждь нам днесь» (Мф. 9: 11). И Касьян не страшится открыто уличить барина в грехе убийства «братьев наших меньших»:

«Ну, для чего ты пташку убил? — начал он, глядя мне прямо в лицо.

— Как для чего?.. Коростель — это дичь: его есть можно.

— Не для того ты убил его, барин: станешь ты его есть! Ты его для потехи своей убил» (3, 116).

С этим наставлением «рифмуется» оценка охотников, данная Лукерьей — героиней рассказа «Живые мощи»: «В позапрошлом году так даже ласточки вон там в углу гнездо себе свили и детей вывели. Уж как же оно было занято! Одна влетит, к гнездышку припадет, деток накормит — и вон. Глядишь — уж на смену ей другая. Иногда не влетит, только мимо раскрытой двери пронесется, а детки тотчас — ну пищать да клювы разевать... Я их и на следующий год поджидала, да их, говорят, один здешний охотник из ружья застрелил. И на что покорыстился? Вся-то она, ласточка, не больше жука... Какие вы, господа охотники, злые!» (3, 331).

Касьян также не боится устыдить барина, внушает ему мысль отказаться от жестокой забавы: «много ее, всякой лесной твари, и полевой и речной твари, и болотной и луговой, и верховой и низовой — и грех ее убивать, и пускай она живет на земле до своего предела... А человеку пища положена другая; пища ему другая и другое питье: хлеб — Божья благодать, да воды небесные, да тварь ручная от древних отцов» (3, 116).

В определении хлеба как Божьей благодати кроется священная сущность: «хлеб Божий есть Тот, Который сходит с небес и дает жизнь миру» (Ин. 6: 33). Так хлеб — одно

из евангельских самоименований Иисуса Христа: «Аз есмь хлеб жизни» (Ин. 6: 35), «ядущий его не умрет» (Ин. 6: 50). «Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий» (Ин. 6: 27), — заповедал Господь.

Касьян в свои бесстрашные поучения барину вкладывает именно этот евангельский смысл. Крестьянин наделен поистине апостольским даром слова. Так, святые Апостолы просили у Бога духовного укрепления, мужества на стезе христианского благовествования: «И ныне, Господи, <...> дай рабам Твоим со всею смелостью говорить слово Твое», «и исполнились все Духа Святого и говорили слово Божие с дерзновением» (Деян. 4: 29, 31).

Одухотворенно-«дерзновенное» слово Божие на устах мужика не может в очередной раз не вызвать глубокого изумления автора-повествователя: «Я с удивлением поглядел на Касьяна. Слова его лились свободно; он не искал их, он говорил с тихим одушевлением и кроткою важностию, изредка закрывая глаза. <...> Я, признаюсь, с совершенным изумлением посмотрел на странного старика» (3, 116). Так удивлялись словам Апостолов «начальники народа и старейшины» в Новом Завете, «видя смелость Петра и Иоанна и приметивши, что они люди некнижные и простые <...> между тем узнавали их, что они были с Иисусом» (Деян. 4: 13).

Касьян говорит, как древний пророк, как прорицатель: «Его речь звучала не мужичьей речью: так не говорят простолюдины, и краснобаи так не говорят. Этот язык, обдуманно-торжественный и странный... Я не слышал ничего подобного» (3, 116–117). Слова мужика по своей сути и по стилю уподобляются священнической проповеди. В «обдуманно-торжественной» речи Касьяна с большим духовным подъемом выражены представления о святости и грехе: «Кровь, — продолжал он, помолчав, — святое дело кровь! Кровь солнышка Божия не видит, кровь от свету прячется... великий грех показать свету кровь, великий грех и страх... Ох, великий!» (3, 116).

Герой старается до сознания охотника библейское понятие о крови как предмете таинственном и священном. В Ветхом Завете кровь ассоциируется с самой жизнью, с живой душой: «кровь есть душа» (Второзаконие. 12: 23); «душа тела в крови», «ибо душа всякого тела есть кровь его, она душа его» (Лев. 17: 11, 14). Бог заповедал Ною: «только плоти с душою ее, с кровью ее, не ешьте» (Быт. 9: 5). В Новом Завете Апостолы проповедают язычникам «воздерживаться от идоложертвенного и крови» (Деян. 15: 29), отказаться от использования крови в каких бы то ни было целях. Жертвенной кровью распятого на Голгофе Христа побеждена смерть, омыты грехи спасенного человечества.

Чаяния русского крестьянства о спасении Божьей милостью, о том, что «придут времена отрады от лица Господа» (Деян. 3: 20), мечты о народном счастье находили воплощение в страннических скитаниях. Странничество, правдоискательство было своеобразной формой оппозиции несправедному устройству социальной жизни, протестом против угнетения и закрепощенности свободной в Боге человеческой души. Не только лучшей доли в социально-бытовом смысле искали простонародные странники, но и — прежде всего — духовно-нравственного идеала, Божьей «правды-истины», как она определилась в русском фольклоре, народно-поэтическом сознании.

Касьян — один из таких странников — получил в народе еще одно прозвище: Блоха. Вероятно, из-за малого своего роста и прыти, способности к динамичным перемещениям. С другой стороны, зоологическое прозвище — отсылка к паразитарному насекомому — снижает образ: «Недаром его прозвали Блохой. Его черная, ничем не прикрытая головка <...> так и мелькала в кустах. Он ходил необыкновенно проворно и словно все подпрыгивал на ходу» (3, 113).

«Человек я бесемейный, непосед» (3, 119), — говорит о себе герой. Может быть, душу загадочного Касьяна, именуемого себя «грешным», тяготит какой-то тайный грех, который требует искупления. Оттого он и мается, не находит душевного равновесия. Это гипотеза, но бесспорно другое: его неусидчивость, «непоседливость», «охота к перемене мест» вызваны томлением народного духа по высшей правде: «И не один я, грешный... много других хрестьян в лаптях ходят, по миру бродят, правды ищут...» (3, 119).

Универсальный в отечественной литературе мотив странничества в поэтике «Записок охотника» становится сквозным, находит свое разностороннее художественное выражение. Даже в рассказе об обездвиженной героине «Живые мощи» явно звучит мотив паломничества, богомолья. Парализованная Лукерья представляет себя странницей среди других русских паломников-богомольцев: «Вижу я, что сижу я этак будто на большой дороге под ракистой, палочку держу оструганную, котомка за плечами и голова платком окутана — как есть странница! И идти мне куда-то далеко-далеко на богомолье. И проходят мимо меня все странники» (3, 336).

Вековечное русское странничество: «Сколько странников ходило и скитальцев по Руси... <...> Мало что переменилось, хоть сменялись, шли века»¹², — в наши дни нашло подкрепление в поэме Николая Мельникова (1966–2006) «Русский крест» (1996). Здесь показана «дорога поисков силы и смысла жизни», «жажда чистоты душевной»¹³. В образе «странника с крестом» воплотились прошлое и настоящее России, ее грядущие судьбы, восхождение души к Богу:

«Я грешил на свете много,
А теперь вот сам молюсь...
Если все попросим Бога
За себя, за нашу Русь,
За грехи людские наши
И за весь позор и стыд —
Неужели ж Он откажет,
Неужели не простит? —
В пояс кланялся, прощался,
Крест на плечи поднимал
И в дорогу отправлялся.
А куда — никто не знал...»¹⁴.

Тургеневский Касьян в своих странствиях не находит искомого совершенства: «Справедливости в человеке нет, — вот оно что...» (3, 119). Но сам процесс поисков идеала приносит ему душевное облегчение: «Да и что! много, что ли, дома-то высидишь? А вот как пойдешь, как пойдешь, — подхватил он, возвысив голос, — и полегчит, право» (3, 119).

В образе героя духовный подъем, духовное раскрепощение соединяются с патриотическим чувством русского национального единства. Этот странник-правдоискатель — деятель и созерцатель одновременно. Ему открыта одухотворенная красота родной земли, любящая которой Касьян испытывает глубокую любовь и нежность. Он одушевляет Русь, подбирает ласкательные имена ее городам и рекам — всем местам, где ему довелось побывать: «Ведь я мало ли куда ходил! И в Ромён ходил, и в Синбирск — славный град, и в самую Москву — золотые маковки; ходил на Оку-кормилицу, и на Цну-голубку, и на Волгу-матушку» (3, 119). Генетически герой связан с миром прекрасного: недаром он родом с Красивой Мечи. Места, где протекает эта река — Красивая Меча (или Мечь) — приток Дона, — считались одними из наиболее живописных в европейской части России.

Касьян не перестает удивляться дивному чуду гармоничного Божьего мира. Для того чтобы видеть и всей душой воспринимать это чудо, нужно быть чудовидцем, духовно отзывчивым «очарованным странником». Именно таков Касьян. Религиозный характер носят его эстетические переживания красоты природы как Божьей благодати: «И солнышко на тебя светит, и Богу-то ты видней, и поется-то ладнее. Тут, смотришь, трава какая растет; ну, заметишь — сорвешь. Вода тут бежит, например, ключевая, родник, святая вода; ну, напьешься — заметишь тоже. Птицы поют небесные... А то за Курском пойдут степи, этикие степные места, вот удивление, вот удовольствие человеку, вот раздолье-то, вот Божия-то благодать! <...> Эко солнышко! — промолвил он вполголоса, — эка благодать, Господи! эка теплынь в лесу!» (3, 119–120).

Любование героев «Записок охотника» своей Родиной, русской землей сливается с голосом автора, рисующего с проникновенной любовью в каждом рассказе цикла художественные картины природы, «прозрачные, будто сотканные из воздуха образы». Точные до мельчайших деталей, узнаваемые примет, тургеневские пейзажи представлены в их пространственной глубине, игре света и тени, оттенков красок, в переливах звуков и ароматов. Эти живые образы словно сливаются с дыханием, с биением сердца русского человека. Картины природы настолько одухотворены, что в них отчетливо ощутимо Божье всеприсутствие, незримое высшее заступничество. Русский пейзаж, воссозданный не в линейной перспективе и даже не в трехмерном пространстве, а с выходом в некое четвертое — духовное — измерение, становится самостоятельным сквозным «героем» тургеневского цикла рассказов, формирует чувство национального единства, цельный и прекрасный образ Родины, Богохранимой земли русской.

Вот, например, как выглядят под пером Тургенева родные места на рассвете: «А между тем заря разгорается; вот уже золотые полосы протянулись по небу, в оврагах клубятся пары; жаворонки звонко поют, предзарный ветер подул — и тихо всплывает багровое солнце. Свет так и хлынет потоком; сердце в вас встрепенется, как птица. Свежо, весело, любя! Далеко видно кругом. Вон за рощей деревня; вон подальше другая с белой церковью, вон березовый лесок на горе» («Лес и степь» — 3, 355). Столь же христиански «осердечена» зарисовка летней ночи: «Картина была чудесная <...> Темное чистое небо торжественно и необъятно высоко стояло над нами со всем своим таинственным великолепием. Сладко стеснялась грудь, вдыхая тот особенный, томительный и свежий запах — запах русской летней ночи», и, «тихо мигая, как бережно несомая свечка, затеплилась на небе «вечерняя звезда» («Бежин луг» — 3, 90; 86).

Продолжение на стр. 9

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ОБРАЗ СТРАДАНИЙ РУССКОГО НАРОДА (170 ЛЕТ ИЗДАНИЮ «ЗАПИСОК ОХОТНИКА» И. С. ТУРГЕНЕВА)

Продолжение. Начало на стр. 7

В народно-поэтическом сознании живет неистребимая мечта о сказочном чуде, золотом «тридцатом царстве» — мире благоденствия, свободы и справедливости, где добро неизбежно одерживает верх над злом, правда пересиливает кривду.

Сказочность и странничество как формы духовной жизни народа соотносятся в жизни русского скитальца: «И идут они, люди сказывают, до самых теплых морей, где живет птица Гамаюн сладкогласная, и с дерев лист ни зимой не сыплется, ни осенью, и яблоки растут золотые на серебряных ветках, и живет всяк человек в довольстве и справедливости... И вот уж я бы туда пошел...» (3, 119).

С этими народно-странническими мечтами Касьяна с Красивой Мечи переключаются детские грезы засыпающих в ночном маленьких героев «Бежина луга». Они убаюканы сладкими надеждами на дивное чудо в сказочной земле за «теплыми морями», куда отправляются птицы небесные:

«— Это кулички летят, посвистывают.
— Куда ж они летят?
— А туда, где, говорят, зимы не бывает.
— А разве есть такая земля?
— Есть.
— Далеко?
— Далеко, далеко, за теплыми морями.
Костя вздохнул и закрыл глаза» (3, 104).

В поэтизации странничества переплетаются мотивы фольклорные и христианские. Простонародные русские скитальцы в чаянии «довольства и справедливости» ищут те заветные места, где, Христос «низложил сильных с престолов и вознес смиренных; алчущих исполнил благ, а богатыщихся отпустил ни с чем» (Лк. 1: 52–53). Священная, светлая птица Гамаюн в мифологическом ракурсе олицетворяет чудодейственное заступничество. Эта птица — Божья вестница, подательница надежды на чудо Божьего Промысла. Окрашенное в золотой цвет «иное царство, небывалое государство» соотносится с солнечным светом, с небесной сферой. В христианском контексте сказочное «золотое царство» соотносимо с евангельским откровением об уготованном для праведных светом «золотом граде» Небесном Иерусалиме, в котором «отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет»; «ночи там не будут»; «спасенные народы будут ходить во свете Его» (Отк. 21: 4, 24, 25).

«Юродивец» — третье прозвище Касьяна. Его поведение представляется окружающим странным, нелепым. И сам он выглядит человеком чудаковатым, почти безумным: «Неразумен я больно, с малства» (3, 117). Касьян, не занятый, как все, крестьянским трудом, признается: «Ничем я этак не занят... Работник я плохой» (3, 117). Охотник мысленно соглашается с прозвищем героя, дивясь его необычной манере держаться, вести таинственные, малопонятные речи: «последние слова Касьян произнес скороговоркой, почти невнятно; потом он еще что-то сказал, чего я даже расслышать не мог, а лицо его такое странное приняло выражение, что мне невольно вспомнилось название "юродивца"» (3, 119).

На взгляд со стороны, «юродивец» подобен безумцу, хотя таким и не является. Касьян просветлен более многих крестьян, обладает широким кругозором, он грамотный человек: «Разумею грамоте. Помог Господь да добрые люди» (3, 117). В первоначальном издании рассказа герой говорил также о своем участии в церковных Богослужениях: «Случается, так в церкви Божией на крылос меня берут по праздникам. Я службу знаю и грамоте тоже разумею» (3, 468).

Касьян скорее принимает вид безумца, как многие юродивые. Его «неразумность» — особого рода. Он не способен «промышлять», наблюдать эгоистический, корыстолюбивый интерес. Христианская вера очищает ум и душу от маниакального стремления к наживе, корысти: «не бедных ли мира избрал Бог быть богатыми верою и наследниками Царствия, которое Он обещал любящим Его?» (Иак. 2: 5)

В душе герой ведет напряженную внутреннюю работу, непрерывно размышляя об истинном предназначении человека в соответствии с Божьим замыслом: «Да это все под Богом, все мы под Богом ходим; а справедлив должен быть человек — вот что! Богу угоден, то есть» (3, 118). Недаром в нашем языке синонимы к слову «юродивый» — «блаженный», «Божий человек», «Христов человек». Духовное делание развивает в герое дар прозорливости, прорицания.

Таким же даром наделена Лукерья — героиня рассказа «Живые мощи».

Этот тургеневский шедевр с его глубинным религиозно-философским содержанием, весь проникнутый православным духом, вызывал заслуженное восхищение современников писателя и по сей день является предметом особого внимания читателей, литературоведов, философов, богословов, писателей.

Так, например, французский писатель и философ Ипполит Тэн признавался в письме Тургеневу: «Я прочел "Лукерью" три раза кряду» (3, 514). Именно рассказ «Живые мощи» позволил И. Тэну осознать всемирное значение и духовное величие русской литературы по сравнению с литературами других стран: «Какой урок для нас, и какая свежесть, какая глубина, какая чистота! Как это делает явным для нас, что наши источники иссякли! Мраморные каменоломни, где нет ничего, кроме лужиц стоячей воды, а рядом неиссякаемый полноводный родник» (3, 514).

Посвящая Тургеневу свой рассказ, навеянный «Касьяном с Красивой Мечи», Жорж Санд так отозвалась об авторе «Записок охотника»: «Вы — реалист, умеющий все видеть, поэт, чтобы все украсить, и великое сердце, чтобы всех пожелать и все понять». После прочтения рассказа «Живые мощи» знаменитая французская романистка на склоне лет признала превосходство русского писателя: «Учитель, — все мы должны пройти Вашу школу» (3, 426).

Даже более чем Касьян, Лукерья вызывает у повествователя чувство безграничного изумления. Увидев ее, охотник буквально «остолбел от удивления» (3, 327). Благоговение испытывает Тургенев перед мощью христианского духа, который обитает в немощном теле героини — в полном соответствии с антиномиями Нового Завета: «Господь сказал мне: "довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи". <...> Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немощен, тогда силен» (2 Кор. 12: 9–10).

С героиней рассказа — жизнерадостной крестьянской девушкой, красавицей Лукерьей, помолвленной невестой — незадолго до свадьбы приключилась неведомая болезнь, неподвластная лечению докторов. От начала болезни до кончины — без малого семь лет (семь — священное число духовного порядка) — обездвиженная Лукерья пролежала одна в плетеном сарайчике на пчелиной пасеке. Медоносная пчела, когда завершает свое благодатное земное предназначение, сохнет, чернеет, умирает. Так и Лукерья настолько внешне иссохла, что превратилась в почерневшую мумию, «живые мощи».

Охотник, знавший девушку раньше, ошеломлен жутким зрелищем, контрастирующим с его прежними впечатлениями: «Возможно ли? Эта мумия — Лукерья, первая красавица во всей нашей дворяне, высокая, полная, белая, румяная, хохотунья, плясунья, певунья! Лукерья, умница Лукерья, за которую ухаживали все наши молодые парни, по которой я сам втайне вздыхал, я — шестнадцатилетний мальчик!» (3, 328).

Искрящаяся радостью и весельем физическая жизнь отлетела, сковалась неподвижностью, тишиной. Сарайчик Лукерьи напоминает усыпальницу, гробницу: «темно, тихо, сухо; пахнет мятой, мелиссой. В углу приспособлены подмоксти, и на них, прикрытая одеялом, какая-то маленькая фигура...» (3, 327).

Сакральный подтекст рассказа позволяет предположить, что Лукерья накануне замужества, то есть в один из переломных моментов жизни, когда человек становится наиболее уязвимым, подверглась бесовской атаке «врага рода человеческого». В это время девушка думала только о себе, о своей любви, о встречах со «статным, кудрявым» женихом: «Очень мы с Василием слюбились; из головы он у меня не выходил» (3, 328–29). Безоглядное чувство, всепоглощающая сосредоточенность на личном счастье обезоруживают человека перед происками нечистой силы, выискивающей беззащитную жертву; могут привести к физической и духовной гибели.

Так, перед рассветом (согласно традиционным представлениям — время разгула нечисти, ее особой активности) Лукерья-невесте, заворуженной ночными соловьиными трелями, почувдился зов жениха: «зовет меня кто-то Васиным голосом, тихо так: "Луша!". Я глядь в сторону, да, знать, спросонья оступилась, так прямо с рундучка и полетела вниз — да о землю хлоп! И, кажись, не сильно я расшиблась, потому — скоро поднялась и к себе в комнату вернулась. Только словно у меня что внутри — в утробе — порвалось... <...> — С самого того случая, — продолжала Лукерья, — стала я сохнуть, чахнуть; чернота на меня нашла; трудно мне стало ходить, а там уже — и полно ногами владеть; ни стоять, ни сидеть не могу; все бы лежала. И ни пить, ни есть не хочется: все хуже да хуже» (3, 329).

М. М. Дунаев считал, что в этой истории болезни кроется не только «несчастная случайность», но и «слабый намек, хоть и не вполне проявленный, на бесовское вмешательство»¹⁶. Из приведенного рассказа Лукерья не «слабо», а вполне явно проступает метафизический характер недуга, сразившего девушку. Лукавый голос, злокозненно маскируясь под призыв жениха, влечет ее в гибельную бездну («так прямо <...> и полетела вниз»).

Отголосок этой сцены — в рассказе «Бежин луг», когда Павлуша услышал ночью над рекой предвещение его скорой гибели — зовущий голосок утопленника Васи: «Только стал я к воде нагибаться, слышу вдруг зовут меня этак Васиным голоском и словно из-под воды: "Павлуша, а Павлуша!". Я слы-

шаю; а тот опять зовет: "Павлуша, подь сюда"» (3, 104). Характерна реакция героев «Бежина луга», стремящихся при помощи крестного знамения отразить вредоносные нападения нечистой силы: «Ах Ты, Господи! ах Ты, Господи! — проговорили мальчики, крестясь» (3, 104).

В то же время в народном сознании живет убеждение, что истинная христианская душа выстоит, одержит верх, несмотря на временную победу бесовщины. Эту мысль выразил один из мальчиков в рассказе «Бежин луг»: «Эка! — проговорил Федя после недолгого молчания, — да как же это может этакая лесная нечисть христианскую душу спортить?» (3, 95).

Вера в Христа-Спасителя, религиозное мирозерцание Лукерьи, христианское смирение становятся для нее источником огромной духовной силы, несказанной душевной красоты. Портрет героини — также совершенно бестелесный — вызывает у автора представление о древних иконописных ликах, потемневших от времени: «Передо мною лежало живое человеческое существо, но что это было такое? Голова совершенно высохшая, одноцветная, бронзовая — ни дать ни взять икона старинного письма» (3, 327).

По определению В. И. Дала, «мощи — нетленное тело угодника Божия». Тургеневская героиня, прозванная в народе «живые мощи», еще при жизни становится «истинноподобной» угодницей Божией.

Охотника также крайне изумило, что мученица не сетовала на судьбу, «рассказ свой вела почти весело, без охов и вздохов, нисколько не жалуясь и не напрашиваясь на участие» (3, 329). Односельчанам она также не докучает: «от нее никакого не видать беспокойства; ни ропота от нее не слышать, ни жалоб. Сама ничего не требует, а напротив — за все благодарна; тихоня, как есть тихоня» (3, 338), — рассуждает хуторской десятский.

В христианской модели мира человек пребывает не во власти языческого «слепого случая» или античного «фатума», но во власти Божественного Провидения. Героиня принимает Божью волю со смирением, с благодарением и молитвой: «— А то я молитвы читаю, — продолжала, отдохнув немного, Лукерья. — Только немного я знаю их, этих самых молитв. Да и на что я стану Господу Богу наскучать? О чем я Его просить могу? Он лучше меня знает, чего мне надобно» (3, 332). Страдалица-крестьянка, едва ли это сознавая, в точности следует заповеди Господа о немногословной молитве: «молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него» (Мф. 6: 7–8).

Случившееся с ней Лукерья понимает как данный Богом спасительный крест: «Послал Он мне крест — значит, меня Он любит. Так нам велено это понимать» (3, 332) — по слову Христа: «кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня».

Она почти не может спать, и тем исполняет заповедь: «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна» (Мф. 26: 41). «Бодрствующая» героиня приучила себя не размышлять, а молитвенно созерцать «мир Божий, который превыше всякого ума» (Фил. 4: 7): «Прочту Отче наш, Богородицу, акафист Всем скорбящим — да и опять полеживаю себе безо всякой думочки. И ничего!» (3, 332).

В народе поговаривают, что испытание тяжелой болезнью послано Лукерье в искупление за какой-то тайный грех: «Богом убита, <...> — стало быть, за грехи; но мы в это не входим. А чтобы, например, осуждать ее — нет, мы ее не осуждаем. Пушай ее!» (3, 338).

Готовя рассказ к печати, Тургенев в письме к Полонскому вспоминал о страшном времени голода 1841 года, когда «чуть не вымерли поголовно» Тульская и смежные с ней губернии (Орловская — в том числе). Писатель воспроизводит народный отзыв, показывающий отношение простого человека к бедствию как ниспосланному свыше испытанию — во оставление грехов: «Ты и так Богом наказан, а тут ты еще грешить станешь?» (3, 511).

Так в чуткое православное сознание русского народа вживляется евангельское изречение Апостола Петра: «страдающий плотию перестает грешить, чтобы остальное во плоти время жить уже не по человеческим похотям, но по воле Божией» (1 Пет. 4: 1, 2). В этом суть православного аскетического взгляда на жизнь: винить в несчастьях не других, а самого себя; в бедствии видеть справедливое воздаяние, ведущее через глубокое покаяние к духовно-нравственному обновлению, возрождению и спасению.

Лукерья также считает, что болезнь послана во благо ее душе, и в этом смысле она счастливее физически здоровых людей: «Хоть бы то взяты: иной здоровый человек очень легко согрешить может; а от меня сам грех отошел. Намеднись отец Алексей, священник, стал меня причащать да и говорит: "Тебя, мол, исповедовать нечего: разве ты в твоём состоянии согрешить можешь?" Но я ему ответила: "А мысленный грех, батюшка?" — "Ну, — говорит, а сам смеется, — это грех не великий". — Да я, должно быть, и этим самым, мысленным грехом не больно грешна» (3, 330–331).

Окончание на стр. 10

ОБРАЗ СТРАДАНИЙ РУССКОГО НАРОДА (170 лет изданию «Записок охотника» И. С. Тургенева)

Окончание. Начало на стр. 7

Более того — она своим безропотным перенесением многолетних страданий «отмывает» чужие грехи, грехи родителей: «было мне видение — я уж и не знаю. Почудилось мне, будто я в самой этой плетушке лежу и приходят ко мне мои покойные родители — батюшка да матушка — и кланяются мне низко, а сами ничего не говорят. И спрашиваю я их: зачем вы, батюшка и матушка, мне кланяетесь? А затем, говорят, что так как ты на сем свете много мучишься, то не одну ты свою душеньку облегчила, но и с нас большую тягу сняла. И нам на том свете стало много способнее. Со своими грехами ты уже покончила; теперь наши грехи побеждаешь. И, сказавши это, родители мне опять поклонились — и не стало их видно: одни стены видны» (3, 335–336).

В общерусском православном смысле воспринял образ Лукерьи Б. К. Зайцев, назвав ее заступницей «за Россию грешную, за всех нас, грешных»¹⁷.

Плоть героини умерщвлена, но дух ее возрастает. «*Посему мы не унываем, — учит Апостол Павел, — но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется*» (2 Кор. 4: 16). «Тело Лукерьи почернело, а душа — просветлела и приобрела особенную чуткость в восприятии мира и правды высшего, сверхмирного бытия»¹⁸, — справедливо отметил выдающийся богослов XX века архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской).

Героине, почти бестелесной, открываются высшие сферы духа, не выразимые в земном слове. В своем уединении она вступает в область сверхрационального познания, религиозного откровения: «Вы вот не поверите — а лежу я иногда так-то одна, и словно никого в целом свете, кроме меня, нету. Только одна я — живая! И чудится мне, будто что меня осенит... Возьмет меня размышление — даже удивительно. <...> Этого, барин, тоже никак нельзя сказать: не растолкуешь. Да и забывается оно потом. Придет, словно как тучка, прольется, свежо так, хорошо станет, а что такое было — не поймешь! Только думается мне: будь около меня люди — ничего бы этого не было и ничего бы я не чувствовала, окромя своего несчастья» (3, 333).

В снах-видениях открывается прямая связь чуткой христианской души с запредельным миром на пороге инобытия. Вместо венка из васильков (в символическом контексте рассказа полевые васильки — намек на любовь к земному жениху Василию Полякову) девушка увенчана небесным сиянием — как нимбом святого: «Надеваю я месяц, ровно как кокошник, и так сама сейчас вся засияла, все поле кругом осветила» (3, 335). Свет в Евангелии не метафора и не образ, но выражение самой сущности Христа: «*Доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света*» (Ин. 12: 36). В земной жизни жених оставил свою невесту-калеку. Но в духовных сферах праведницу одобряет и принимает Сам Господь: «Глядь — по самым верхушкам колосьев катит ко мне скорехонько — только не Вася, а Сам Христос! И почему я узнала, что это Христос, сказать не могу, — таким Его не пишут, — а только Он!» (3, 335).

Лукерья становится «Христовой невестой» (устойчивое выражение, обозначающее умершую девушку или девушку, которая предпочла браку монашество): «Не бойся, говорит, невеста моя разубранная, ступай за Мною; ты у меня в Царстве Небесном хороводы водить будешь и песни играть райские. <...> тут мы взвились! Он впереди... Крылья у Него по всему небу развернулись, длинные, как у чайки, — и я за Ним! И собачка должна отстать от меня. Тут только я поняла, что эта собачка — болезнь моя и что в Царстве Небесном ей уже места не будет» (3, 335).

На крыльях христианской веры героиня духовно воспарила, «достигла того состояния целостности и высшей простоты духа, когда человек мыслит уже не рациональным рассудком, а интуицией, духом, сердцем своего бытия. Это есть состояние сердечной чистоты, что есть начало уже Царствия Божия в человеке», — комментирует архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской)¹⁹.

В своем отношении к жизни и к миру Лукерья проявляет себя столь одухотворенно-сострадательно, что вновь подкрепляет ассоциацию с бесплотными женскими ликами русских икон, особенно с чудотворным образом Пресвятой Богородицы «Умиление». Выступая как заступница обездоленных, она совсем забывает о своем личном страдании: «Ничего мне не нужно; всем довольна, слава Богу, — с величайшим усилием, но *умиленно* <курсив мой. — А. Н.-С.> произнесла она. — Дай Бог всем здоровья! А вот вам бы, барин, матушку вашу уговорить — крестьяне здешние бедные — хоть бы малость оброку с них она сбавила! Земли у них недостаточна, угодий нет... Они бы за вас Богу помолились... А мне ничего не нужно — всем довольна» (3, 337). Здесь состояние умиления в его духовном смысле обозначает соприкосновение души с Божьей благодатью.

Истинная праведница боится прогневить Бога: не ропщет на свою участь, не мучается гневом, завистью, не проклинает, а благословляет мир Божий. Обездоленная и бездвигательная, но сильная духом, она не позволяет злу проникнуть в свой внутренний мир. Наоборот, ее душа вся светится добром, участливым отношением к людям. В ее положении, хуже которого отыскать вряд ли что возможно, она беспокоится о тех, кому еще труднее: «А что будешь делать? Лгать не хочу — сперва очень томно было; а потом привыкла, обтерпелась — ничего; иным еще хуже бывает. <...> у иного и пристанища нет! А иной — слепой или глухой! А я, слава Богу, вижу прекрасно и все слышу, все. Крот под землю роется — я и то слышу. И запах я всякий чувствовать могу, самый какой ни на есть слабый! Гречиха в поле зацветет или липа в саду — мне и скажешь не надо: я первая сейчас слышу. Лишь бы ветерком оттуда потянуло. Нет, что Бога гневить? — многим хуже моего бывает» (3, 330).

Земная жизнь Лукерьи завершается под слышимый только ею «сверху» колокольный звон, призывающий ее в вечность, в Царство Небесное, в соответствии с евангельскими обетованиями: «*Претерпевший же до конца спасется*» (Мф. 24: 13).

«Откровение души», «торжество бессмертного в тленном», — так определил суть тургеневского рассказа архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской). По его справедливому суждению, Тургенев «не только выразил жизнь в ее последней тайне, он открыл человеческую бессмертную душу, не зависящую в своей глубине ни от чего внешнего, ни от каких материальных или экономических условий»²⁰.

Преданность Божьей воле как замечательную особенность русского народа Тургенев проникновенно рисует и в рассказе «Смерть». То, как умеет умирать православный человек, — также является предметом уважительного удивления писателя и в очередной раз подтверждает его мысль о русском народе «как самом удивительном народе на свете»: «Удивительно умирает русский мужик! Состоянье его перед кончиной нельзя назвать ни равнодушием, ни тупостью; он умирает, словно обряд совершает» (3, 200). Так, придавленный деревом во время рубки леса подрядчик Максим в свои последние минуты думает о Боге, о покаянии: «за попом... послать... прикажите... Господь... меня наказал... ноги, руки, все перебито... сегодня... воскресенье... а я... а я... вот... ребят-то не распустил» (3, 199).

Для православных день земной кончины — день рождения в жизнь вечную.

Антикрепостническое содержание тургеневского цикла глубоко и всесторонне изучено. В то же время необходимо заострить внимание на этой теме, рассматривая ее не только как историко-литературный факт, но как проблему, не теряющую своей актуальности и в наши дни.

Жестокосердные порабителители народа — изощренный изувер помещик Пеночкин и его подручный — бурмистр Софрон («Бурмистр»), Хвалынский и Стегунов («Два помещика»), господин Зверков с его говорящей фамилией и такой же зоологической внешностью («Ермолай и мельничиха»); многие другие помещики, в том числе матушка охотника, в которой различимы черты Варвары Петровны — матери Тургенева («Живые мощи»). Все они стремятся свести подневольных людей к рабскому животному состоянию. Угнетатели не только распоряжаются судьбами крепостных, физически губят их непосильным рабским трудом, голодом, нуждой, телесными наказаниями, но методически убивают живую душу. Иных доводят до самоубийства, иных — до сумасшествия.

Вот один из крохотных эпизодов, повсюду рассыпанных в цикле рассказов, за которым стоит подлинная драма исконверженной человеческой судьбы: вскозь упоминается «подверженный сумасшествию резчик Павел», который «к каждому проезжему подходил с просьбой позволить ему жениться на какой-то девке Маланье, давно уже умершей» («Смерть» — 3, 201–202).

Столь же искалечены судьбы многих крепостных, лишенных по вине господ права на любовь, личное счастье: это горничная Арина и лакей Петрушка («Ермолай и мельничиха»), Татьяна и Павел («Контора»), Матрёна («Пётр Петрович Каратаев») и другие.

В предисловии к переводам тургеневских рассказов в журнале Чарльза Диккенса (1812–1870) — английского писателя-христианина, наиболее родственного по духу русской классической литературе, — высказывалось негодование по поводу зверств «сильных мира сего», творящихся в стране, считающей себя «цивилизованной и христианской» (3, 430).

Не случайно официальные власти затеяли секретное следствие о «Записках охотника», усматривая в них политическую оппозиционность и опасность для правящего режима. Сотрудник Главного управления цензуры доносил министру просвещения: «мне кажется, что книга г. Тургенева делает более зла, чем добра <...>. Полезно ли, например, показывать нашему грамотному народу <...>, что однодворцы и крестьяне наши, которых автор до того опоэтизировал, что видит в них

администраторов, рационалистов, романтиков, идеалистов, людей восторженных и мечтательных (Бог знает, где он нашел таких!), что крестьяне эти находятся в угнетении, что помещики, над которыми так издевается автор, выставляя их пошлыми дикарями и сумасбродами, ведут себя неприлично и противозаконно, что сельское духовенство раболепствует перед помещиками, что исправники и другие власти берут взятки или, наконец, что крестьянину жить на свободе привольнее, лучше» (3, 409).

Как известно, далее последовали надзор тайной полиции, арест и ссылка «политически неблагонадежного» Тургенева.

Для подавляемой властью личности пространством свободы служит православная вера. Писатель показал, что крепостное право — рабство внешнее — не убило в русском народе внутренней свободы души и духа. Художественная логика тургеневского цикла рассказов неуклонно ведет к выводу о том, что люди не должны быть рабами людей — по слову Апостола Павла: «*не делайтесь рабами человеков*» (1 Кор. 7: 23). Люди не рабы, а дети Божьи: «*Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий чрез Иисуса Христа*» (Гал. 4: 7). Тургенев утвердил богоподобное достоинство человеческой личности, ее духовную независимость. Человек рожден свыше, его Господь-Отец сотворил. И этот дар творения подкреплен даром истинной свободы — в Боге и от Бога: «*Итак, стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не поддавайтесь опять игу рабства*» (Гал. 5: 1).

Те же, кто отнимает у человека этот дар Божий, суть богопротивники, бесы — носители зла. Вот почему Апостол Павел призывает: «*братия мои, укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его; облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских; потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных*» (Еф. 6: 10–12).

По апостольскому слову, Христос, «отняв силы у начальств и властей, властно подверг их позору, восторжествовав над ними Собою» (Кол. 2: 15). В Новом Завете выражена вера в то, что во втором пришествии Христа «Он предаст Царство Богу и Отцу, когда упразднит всякое начальство и всякую власть, и силу» (1 Кор. 15: 24).

Своеобразие изображения жизни в рассказах Тургенева предстает в динамике взаимодействующих планов бытия: национально-русского и вселенского; конкретно-исторического и философско-универсального; социально-политического и религиозно-нравственного; земного и надмирного; сиюминутного и вневременного, вечного — всего того, что составляет живую русскую душу «Записок охотника».

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА,
доктор филологических наук, профессор,
член Союза писателей России (Москва),
историк литературы

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. — М.: Наука, 1978–1982. — Сочинения: В 12 т. — Т. 3. — С. 355. В дальнейшем сочинения И. С. Тургенева цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы.
2. Гончаров И. А. Собр. соч. — М., 1955. — Т. VIII. — С. 262; 108–109.
3. Тютчев Ф. И. Весенняя гроза: Стихотворения. Письма. — Тула, 1984. — С. 186.
4. J. von Guenter. Leskov. — Russlands Christlichster Dichter. — Jahrgang 1. — 1926. — S. 87.
5. Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. — М.: ГИХЛ, 1956–1958. — Т. 11. — С. 12.
6. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. — М.: Худож. лит., 1970. — Т. 9. — С. 459.
7. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. — Т. 66. — С. 409.
8. Короленко В. Г. Собр. соч. — М., 1954. — Т. V. — С. 265–266.
9. Горький М. Полн. собр. соч. — М.: Наука, 1972. — Т. 15. — С. 373.
10. Зайцев Б. К. Собр. соч.: В XI т. — М.: Русская книга, 1999–2001. — Т. IX. — С. 375.
11. Митрополит Вениамин (Федченков). Молитва Господня. — М.: Отчий дом, 2010. — С. 166, 172.
12. Мельников Н. А. Русский крест. — М.: Отчий дом, 2011. — С. 33.
13. Там же. — С. 4.
14. Там же. — С. 36.
15. Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч. — Т. XVIII. — М.: Гослитиздат, 1939. — С. 144.
16. Дунаев М. М. Православие и русская литература. — М., 1997. — Ч. III. — С. 37.
17. Зайцев Б. К. Собр. соч.: В XI т. — М.: Русская книга, 1999–2001. — Т. IX. — С. 436.
18. Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ. Беседы с русским народом. — М.: Ладья, 1998.
19. Там же.
20. Там же.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Стихи **Сергея Попова** — радость для читателя, истосковавшегося по настоящей поэзии. Он из тех, увы, немногих, кто работу над словом предпочитает «работе» над расширением аудитории. Тревожная интроверсия вкупе с точностью высказывания делают поэтический мир автора максимально приближенным к реальному. Причем эта реальность принимается такой, какова она есть, разве что с грустью констатируется: диагноз-то тяжелый. Напряженное созерцание действительности выливается в глубокую сосредоточенность на форме. Ничего напоказ. Ощущение некоей событийной зимы. Под снежной шапкой, что-то происходит: засыпают травы, спят животные в норах, замерзает вода, потом они все ждут весны, а ближе к мартовским дням начинают не видные человеку процессы пробуждения. Однако эти скрытые от нас события прекрасно угадываются, и зима отнюдь не мертвое состояние природы, надо только уметь наблюдать...

Все случится поздно или рано —
грянет голос, явятся хлеба,
из воронки летнего тарана
прорастет горячая судьба.

Светлого будущего поэт не обещает, но будучи созвучен с естественным, природным ритмом существования человека, с уверенностью заявляет:

Жить жаворонком легче и светлей —
не тормозить и сроду не чиниться,
дневной душеспасительный елей
плеская по глазницам очевидца.

Вкрапление церковнославянской лексики напоминает нам о том, что утро для христианина — начало новой жизни, что каждый новый день дается нам свыше для того, чтобы мы провели его достойно. Елей с древности считался целебным веществом, символизировал благодать и радость. Будучи одним из важных материальных воплощений веры, священное масло используется верующими весьма рачительно. И тут же — вопиющее человеческое разгильдяйство: драгоценное вещество разбазаривается, попадая даже не в «очи». Медицинский термин «глазница» вызывает в читателе ассоциацию с пустым черепом, со скелетом, со смертью, в конце концов. Опуская нас с небес даже не над, а под землю, автор проявляет сдержанность в отношении концепции воскрешения мертвых, да и нам урок — а есть ли смысл пытаться воскрешать тех, кто не пылает желанием воспрянуть? Иной оче-

Евгений Минин — один из самых ярких и активных поэтов-пародистов современности. Постоянно печатается на 16 полосе в «Литературной газете», в журналах «Дети Ра», «Зинзивер» и во многих других изданиях.

Читатель знает Минина, прежде всего, как пародиста. Но он и очень интересный, самобытный поэт — его стихи неоднократно публиковались, например, в замечательном журнале «Урал».

И вот — новая книга стихотворений и пародий, которая вышла в 2023 году в Коллекции сатиры и юмора «Издательства Евгения Степанова».

Остановимся в данном случае на стихотворениях.

Я считаю, что если в книге есть хоть одно хорошее стихотворение — это уже прекрасный результат. В книге Минина хороших стихотворений много.

Едкий сатирик Минин на поверку оказывается нежным и открытым всем ветрам лириком и крепким профессионалом. В стихотворении «Латынь» — горький опыт много повидавшего человека, который не желает принимать жесткие и жестокие порядки современного социума:

Вот и снова в дело пошла латынь —
Ното homini lupus est.
Не скажешь испившему крови: «Остынь!»
И что на земле, как в театре,
вдоволь свободных мест.

Сергей Попов**Пух и прах**

Библиотека Поэтограда

М.: «Вест-Консалтинг», 2023

видец и не поймет, что ему в глаз прилетело, так, ругнется, утрется и дальше пойдет...

Этот контраст, постоянная высокая амплитуда раскачки между «высоким» и «низким», как и острое ощущение незавершенности пространства и времени, держит читателя в состоянии тревоги, как бы на «низком старте»: что-то страшное грядет, но Бог милостив, и крупницы радости нет-нет, да и перепадут грешному человеку:

Но все-таки крылья, продравши глаза,
нет-нет да увидишь в проеме,
где горлом забвенья идет бирюза
и кровь цепенеет на стреме.

И так это воздушно и необратимо, что понимаешь: те самые слова. Небо призвано символизировать свободу, это первооснова религиозного мироощущения — если глядишь, и до ангелов рукой подать. Но образ цепенеющей крови на контрасте с легкой и точной рифмой дополнительно актуа-

лизирует отдаленность небесного свода. А тут, на земле, — скорби да болезни. Так написать мог только тот, кто реально пропускает все через себя. Земной путь человека полон лишений и несчастий, но не менее тяжек и другой путь — вверх. К лучшему. К Вышнему:

зияют интервалы между строк,
где выигрыш глядит из ниоткуда —
все впереди, всему свой смертный срок,
бессрочное несбыточное чудо.

Утрачены ожидания награды за несение скорбей в земной юдоли. Сергей Попов пишет о смерти, не сгущая красок. Иной раз это отсутствие драматизации неизбежного предстает перед читателем совершенно спокойно, практически монотонно, что грамматически отражается в отсутствии знаков препинания:

воскреснут все кто в списки занесен
и кто пропущен в силу недогляда
и если смерть всего лишь краткий сон
ее ничем оправдывать не надо

Всеобщность смерти напоминает нам о том, что мы все юдоли. Смерть объединяет нас. Стихотворения Сергея Попова — высокая печаль, которая драматически подчеркивает одинаковость наших конечных судеб, кем бы мы ни были:

Это безвременье. Это внезапный снег.
Это тепла последние облака,
что примиряют напропалую всех,
если они явились издадека.

Только осознавая собственную смертность, человек учится беречь время отпущенной ему жизни. Как хочется, чтобы оно не прошло впустую! И как мучительно жаль видеть несовершенство человеческой природы. В новой книге Сергея Попова стихотворения разных лет складываются в стройную поэтическую картину, в которой извечный конфликт жизни и смерти разрешается по-христиански: все в этом мире — подготовка к важнейшему для каждого из нас переходу в вечность. И между строк считывается то единственное, что по-настоящему важно в этом мире...

Ольга ЕФИМОВА

Евгений Минин**Конфуций натошак**

Коллекция сатиры и юмора

М.: Издательство Евгения Степанова, 2023

Ното homini lupus est (человек человеку волк)... С этим постулатом никак не согласен автор, верящий — несмотря ни на что — в светлое начало Ното sapiens. Главное для поэта — доброта, любовь к людям и «братьям нашим меньшим». Замечательно в этом смысле стихотворение, которое так и называется — «Доброта»:

Подобрали собаку на улице,
а котика принесли с помойки,
Мы сделали им прививки
и кормим неплохо, кстати.
А по ночам эта парочка
дрыхнет на нашей койке,
А мы с женою на коврик,
который возле кровати.

Все верно. Так и должно быть. Помощь ближнему — прежде всего.

Ироничные и светлые стихи Евгения Минина согревают душу читателя, который понимает: где-то далеко, в Иерусалиме, живет родная душа...

Фёдор МАЛЬЦЕВ

РЕКЛАМА

«Диалог» — это ваш телеканал!

Телекомпания Евгения Степанова «Диалог» создает фильмы

о тех людях и фирмах, которые добились значимых результатов в жизни.

Наш девиз заключен в словах поэта Евгения Евтушенко: «Людей неинтересных в мире нет!»

Тел.: +7 (495) 971 79 25 факс: +7 (499) 152 28 04 адрес электронной почты: stepanov@mail.ru

РЕКЛАМА

ХОЛДИНГОВАЯ КОМПАНИЯ «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

РАБОТАЕТ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ 20 ЛЕТ.

Это широко известный в России и за рубежом вертикально интегрированный медиа-издательский холдинг. Он состоит из ООО «Вест-Консалтинг», издательского комплекса, типографии, PR и WEB-подразделений, Агентства по распространению книг, литературно-художественных журналов «Футурум АРТ» (выходит с 2000 года), «Дети Ра» (выходит с 2004 года), «Зинзивер» (выходит с 2005 года), «Другие» (выходит с 2006 года), «Зарубежные записки» (выходит с 2013 года), интернет-журнала «Персона ПЛЮС» (выходит с 2008 года), газет «Литературные известия» (выходит с 2008 года), «Поэтоград» (выходит с 2010 года), «Есенинский бульвар» (на болгарском языке, выходит с 2010 года),

счет».

телевизионной компании и интернет-телеканала «Диалог» (работает с 2012 года).

«Вест-Консалтинг» совместно с ИД «Знание-Сила» также издает альманах «Знание-Сила. Фантастика» (с 2010 года).

Компания выпускает книги (более 100 наименований в год), делает буклеты, выполняет все виды типографских работ, предоставляет широкий спектр консалтинговых, рекламных и PR услуг, создает и обслуживает WEB-сайты (создано более 1000 сайтов и WEB-страниц).

«Вест-Консалтинг» — член АСКИ (Ассоциации книгоиздателей России), трижды лауреат премии «Московский

МЫ БУДЕМ РАДЫ ИЗДАТЬ И СДЕЛАТЬ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ!

Тел. (495) 971 79 25; Адрес эл. почты: stepanov@mail.ru

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЙ ДОСУГ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРОССВОРД ПО ТЕМЕ «АВТОРЫ-КЛАССИКИ»

По горизонтали:

1. Автор романа «Человек-амфибия».
3. Автор романа «Война и мир».
5. Автор романа «Лезвие бритвы».
6. Автор исторической повести «Капитанская дочка».
7. Автор повести «Собачье сердце».
11. Автор романа «Приключения Оливера Твиста».
12. Автор романа «Дамское счастье».
13. Автор философской повести «Котлован».

По вертикали:

2. Автор романа «Отцы и дети».
4. Автор романа «Темный цветок».
8. Автор романа «Красное и черное».
9. Автор романа «Франкенштейн, или Современный Прометей».
10. Автор романа «Собор Парижской Богоматери».
14. Автор романа «Принц и нищий».

Кроссворд
составила
Ольга ЕФИМОВА.

Газета Союза писателей XXI века (www.writer21.ru), Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» (www.west-consulting.com.ru) и литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»
Тел.: (495) 978-62-75

Интернет-ресурсы: www.litiz.ru, <http://reading-hall.ru/litiz>,
<http://lit-iz.livejournal.com>, <http://www.facebook.com/litizvestia>

E-mail: stepanov@mail.ru

Редакционный совет

Сергей Бирюков, Константин Кедров,
Владимир Масалов, Арсен Мелитонян, Евгений Степанов

Главный редактор

Евгений Степанов

Заместитель главного редактора

Фёдор Мальцев

Ответственный секретарь

Иосиф Быковский

Редактор отдела критики

Ольга Ефимова

Верстка

Ирина Ракитина

Интернет-версия

Максим Жуков

Свидетельство о регистрации

средства массовой информации ПИ № ФС77-33946 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

Издатель: издательство «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес издателя: 115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, дом 7, строение 9, этаж 7, помещение XIV, комната 12

Адрес для корреспонденции: 125375, г. Москва, Глинищевский пер., дом 6, офис 21, издательство «Вест-Консалтинг», газета «Литературные известия»

Отпечатано в типографии «МАЙЕР».

г. Санкт-Петербург, Троицкий пр., д. 6.

Заказ 4448. Общий тираж 5000 экз.

ISSN 2949-3528

9 772949 352007